

МАРИНА ЯСИНСКАЯ

СКОРО В ГОРОДЕ!

ТОЛЬКО ОДНО
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

КОЛЛЕЖИОН

ВЕЧЕР КРУШЕНИЯ НАДЕЖД

ПЛАСТИЧЕСКИЙ
ЭТЮД

АРЕНА
ЗАБЛУДШИХ

ОГНЕННАЯ
ФЕЕРИЯ

ОШЕЛОМЛЯЮЩЕЕ ЗРЕЛИЩЕ!

Колизион

Марина Ясинская
Арена заблудших

«РОСМЭН»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ясинская М. Л.

Арена заблудших / М. Л. Ясинская — «Росмэн»,
2022 — (Колизион)

ISBN 978-5-353-09925-3

Первая книга новой трилогии Марины Ясинской, автора захватывающего цикла «Авионеры». Кристина была уверена, что нет ничего хуже, чем жить в маленьком унылом городке, ходить в осточертевшую школу и лишь мечтать поскорее вырваться в большой, взрослый мир. Ведь даже у артистов цирка шапито жизнь интереснее! О да, намного интереснее... Чтобы уцелеть, надо гореть в огне и не сгорать. Или без страха смотреть в глаза ягуару. Или уворачиваться от диких гончих. Кристина и рада бы вернуться в привычный мир, но... Кто это там, в окне родной квартиры, рядом с родителями и братом? Вторая Кристина?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6

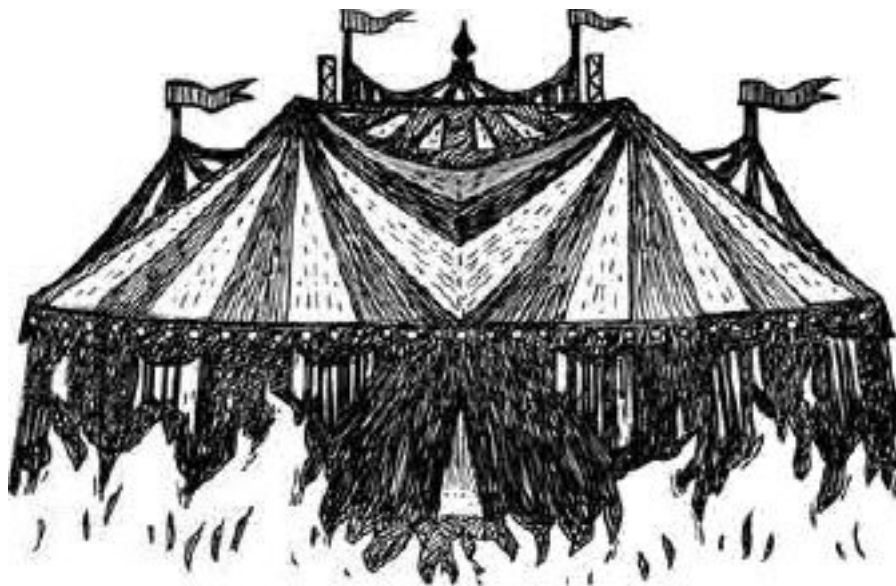
ISBN 978-5-353-09925-3

© Ясинская М. Л., 2022

© Росмэн, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Марина Ясинская

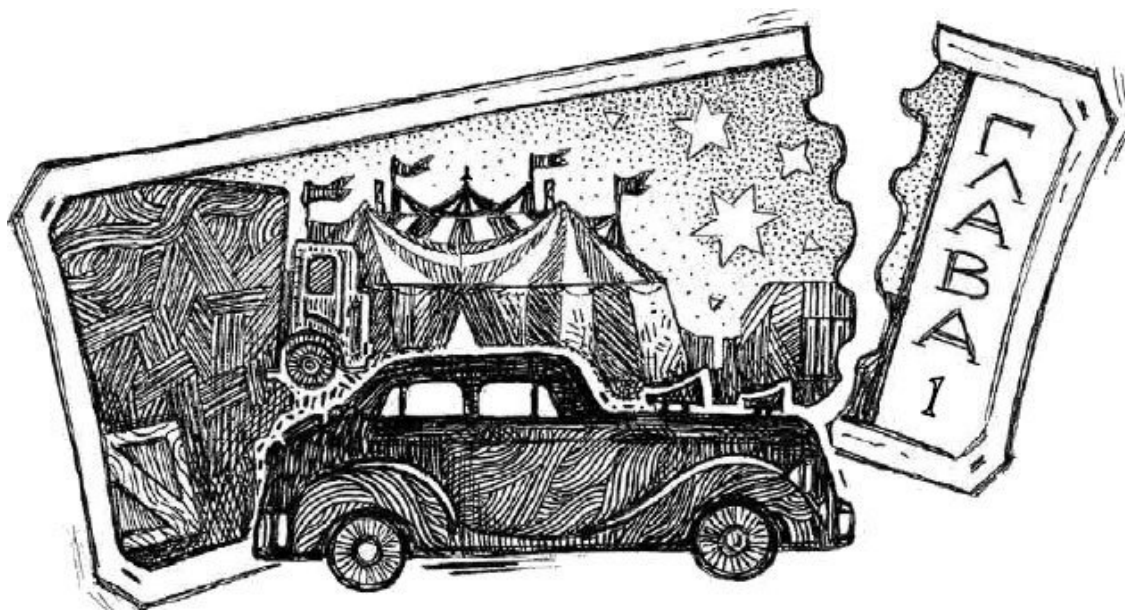
Арена заблудших

© Марина Ясинская, текст, 2022

© ООО «РОСМЭН», 2022

Глава 1

Взглянуть на свое отражение в зеркале было страшно, и потому Кристина подсознательно оттягивала этот момент. Сначала тщательно сложила тонкое от частых стирок полотенце, затем проверила, закрыт ли тюбик с пастой. Повернула свою зубную щетку так, чтобы головка смотрела прямо вперед. Поправила зеленую, мамину, повернутую к стене. Глупая привычка, родившаяся в детстве; тогда ей казалось, что если все щетки будут стоять ровненько и смотреть в одну сторону, то сегодня дома скандала не будет. Впрочем, тогда у зеркала стояло только три щетки. Теперь – четыре. И вот именно четвертая, с глупым динозавром, почему-то всегда смотрела куда надо... Бесит!

В порыве раздражения Кристина повернула щетку с динозавром вбок, скомкала только что тщательно разглаженное полотенце, резко вскинула голову и с вызовом уставилась в зеркало. Ну? *Кто там?* Давай! Покажи себя!

Из зеркала смотрело знакомое отражение: голубые глаза, яркие черные брови, слегка растрепанные пепельно-белые волосы ниже плеч и черный чокер на шее, с круглым серебряным кулоном.

Облегчение тут же смыла волна очередного раздражения. Дожили! Она опасается собственного отражения в зеркале!

Сердито щелкнув выключателем, Кристина вышла из ванной.

Из кухни доносился запах слегка подгоревшей яичницы. Каждый день – яичница. Каждый день – подгоревшая. Бесит!

– Кристина! Ты идешь? – полетел по узкому коридору голос матери.

Кристина раздраженно вздохнула – конечно идет, куда же еще она денется? – и прошлепала на кухню. За столом, втиснутым в угол, уже сидел младший брат. Развернуться в тесной кухне было невозможно, но все же Кристина постаралась усесться как можно дальше от Кирюши.

– Когда ты уже сделаешь себе нормальную прическу? Чем тебе не нравились твои волосы, что ты их так изуродовала? – проворчала мать.

– Ой, вот только не начинай, – простонала Кристина. Война за волосы шла с тех самых пор, как она их перекрасила, и ждать со стороны противника капитуляции в ближайшее время, похоже, не приходилось.

Мама со стуком поставила на стол тарелку. Неизменные кляксы белков, в которых бутыхались непрожаренные желтки. Эти два противных студенистых глаза пялились на Кристину каждое утро. Ломтики ржаного хлеба на краю тарелки напоминали щерящийся рот. Не завтрак, а угощение для Хеллоуина.

Тонкие коричневые края яичницы пригорели. Это надо умудриться из раза в раз так готовить яйца, чтобы снизу они подгорали, а сверху не прожаривались!

– А огонь убавлять не пробовала? – буркнула Кристина, брезгливо глядя на неаппетитное блюдо, а потом принялась пилить его вилкой; она знала, что отломить кусочек не получится, яичница всегда словно резиновая.

– А помочь матери с завтраком не пробовала? – бросила в ответ мама, сердито отскабливая сковороду в раковине. В голосе звучало застарелое раздражение, от резких движений грозил рассыпаться небрежно собранный узел каштановых волос с отросшими седыми корнями. – Вся такая самостоятельная и взрослая, а на деле совершенно бесполезная! Дома палец о палец не ударишь!

«Бесполезная» было одним из любимых эпитетов, которыми мама награждала дочь. Кристина привычно подавила рвущийся наружу ответ. Она знала, что если возразит, то мать заведет привычную шарманку о том, как она работает в больнице в две смены и остается на ночные дежурства, лишь бы принести в семью лишнюю копеечку, как весь дом на ней одной и что вместо претензий дочь могла бы взять и помочь. Выслушивать это было неприятно как в первый, так и в сотый раз, так что лучше промолчать.

А еще лучше съехать и жить отдельно! И тогда никто не будет тобой командовать! Но мечтать можно сколько угодно, только реальности до этого не было дела, и мечты так и оставались лишь мечтами. Это в фильмах и в крупных городах – и то и другое для Кристины в равной степени нереалистично – старшеклассники подрабатывали курьерами, доставщиками пиццы или официантами. А в их дыре устроиться на работу, да еще без образования, да еще на неполный день, было практически невозможно.

Увы, не всем везет родиться в мегаполисах, где есть нормальная жизнь. И все же как обидно! Почему именно Кристине выпало жить в глухой дыре с говорящим названием Верходновск, которая считается городом только на том основании, что когда-то в ней наскреблось двенадцать тысяч людей, то самое количество, которое нужно по закону, чтобы придать поселению статус города? Живут же какие-то счастливчики в нормальных местах!

И вообще, другие люди в ее возрасте уже достигают чего-то значительного. Выступают с концертами по всему миру, записывают платиновые альбомы, выигрывают олимпийские медали, снимаются в кино, открывают свое дело, досрочно заканчивают школу и поступают в вуз – ну или хотя бы самостоятельно зарабатывают на карманные расходы. А она? Достижений нет. Выдающихся способностей нет. Перспектив нет. И вообще нет ровным счетом ничего такого – ни в ней самой, ни в ее окружении, чтобы на худой конец хотя бы запустить свой блог и привлечь в него тысячи подписчиков.

За этим удручающим заключением следовал неизбежный вывод: как ни хотелось Кристине считать, будто есть в ней что-то уникальное, на деле выходит, что она – унылая, заурядная и скучная личность. Такая же, как все. И эта неприукрашенная и разочаровывающая правда о себе тоже бесила.

Бесила почти так же, как и вечное отсутствие денег. Хотя, если не быть слишком разборчивой, заработать можно даже в их дыре, спасибо интернету. Кристина пару раз слышала, как, собравшись в туалете, девчонки делились с подругами адресами сайтов и форумов, на которых можно найти людей, готовых заплатить тебе за твои фотографии. «И ничего такого, можно и

в нижнем белье, а голову отвернула и закрыла лицо волосами, и никто тебя не узнает», – рассказывала одна, и Кристина, тихо сидя в кабинке за закрытой дверью, задавала себе вопрос: настолько ли отчаянно ей нужны деньги, чтобы зарабатывать их таким способом? Нет, пожалуй, все же не настолько.

И конечно, всегда оставался еще один вариант заработка: встречаться со взрослым состоятельным мужчиной. Но и он Кристине не слишком нравился. Во-первых, где такого найти? Во-вторых, посмотрит ли вообще такой на Кристину, ведь похвастаться привлекательностью, сражающей наповал представителей противоположного пола, она не могла. В-третьих, как ни ругала себя Кристина за наивность и глупость, в глубине души ей хотелось искренних романтических чувств, а не отношений по расчету. Ну и наконец, перед глазами был печальный чужой опыт: в прошлом году у них в школе училась девушка, за которой после уроков приезжал крутой белый джип. Владелец автомобиля покупал ей дорогие сумки и последние модели телефона, а потом пропал; болтали, что его объявили в уголовный розыск за крупные финансовые махинации. А девушку до самого выпускного преследовали осуждающие взгляды и сплетни о том, что ее видели выходящей из операционного кабинета в отделении гинекологии...

Нет, приемлемых вариантов вырваться из этой дыры раньше времени или хотя бы облегчить свою жизнь до выпуска из школы Кристина не видела. Оставалось ждать лета. Последний учебный год – и все, свобода и долгожданный шанс на новую жизнь! И без разницы, на кого учиться, хоть на пчеловода, хоть на техника топливного оборудования, лишь бы только свалить отсюда поскорее. И начать уже самостоятельную, взрослую жизнь, к которой по своим внутренним ощущениям Кристина была уже более чем готова, и лишь внешние обстоятельства все никак не позволяли ее начать.

– Не забудь, у Кирюши с утра физкультура, – напомнила мама, вытирая покрасневшие, распаренные от горячей воды руки о фартук. – Сходи проверь потом, как он.

Кристина снова заставила себя проглотить рвущийся наружу ответ: «Тебе надо – ты и проверяй». Все равно нет смысла, в ответ получишь только новую лекцию о том, что должна делать старшая сестра.

Как же бесили эти бесконечные «должна»! Должна помогать папе с мамой, потому что дочь. Должна помогать Кирюше, потому что старшая сестра. Должна хорошо учиться, потому что иначе не поступишь в вуз... Всем Кристина должна! Всем – кроме себя. Ее желания и ее чувства никого не интересовали. Но даже если бы дело и обстояло иначе, за бесконечными «должна», которые Кристина постоянно оказывалась всем должна, на ее «хочу» времени все равно не осталось бы.

Хуже резиновой яичницы могла быть только остывшая резиновая яичница. Кристина осилила половину и, уловив момент, когда мама вышла из кухни, выкинула остатки в мусорное ведро. Поймав прямой немигающий взгляд Кирюши, прошипела:

– Только попробуй ей сказать! Не приду к тебе после физры, и так и останешься сидеть в раздевалке связанный. Понял?

Брат молча моргнул, а затем переключился на завтрак. Резиновая яичница его, похоже, совершенно не раздражала. А скорее всего, он просто не замечал, что блюдо несъедобно.

Кристина поставила тарелку в раковину. Мыть не стала – мелочно-приятный знак протеста – и пошла в свою комнату. Точнее, в комнату, которая когда-то была ее. Девять лет прошло, а она так и не привыкла и не простила, что ей приходится делить спальню с братом. Бесит!

И снова зеркало. Без него, как ни крути, глаза не наклеишь.

«Да хватит уже! – строго выговорила Кристина и заставила себя спокойно посмотреть в гладкую поверхность. Увидев нормальное отражение, перевела дух. – Вот видишь! Чем меньше веришь во всякую дурь, тем реже она случается!»

Кристина взяла подводку, уверенно нарисовала черные стрелки. Несколько взмахов мягкой кисточкой – и на веки легли темные тени, придавая голубым глазам более насыщенный

оттенков. Завершающий штрих – слой черной туши на ресницы. Готово. Никаких румян, никакой помады, только бесцветный блеск для губ. Все равно, как ни старайся, не бывать ей модельной красоткой с глянцево-гламурной внешностью, фотографии которой собирают сотни восторженных комментариев в соцсетях. А раз так, то лучше и не пытаться подстраиваться под других, а сделать вид, что ей комфортно в своей «непохожести». Окружающие в это уже поверили. Осталось поверить самой.

Кристина повернула к зеркалу одну сторону лица. Потом другую. Да, вот так хорошо. Серебряные гвоздики в уши, с одного вниз свисает короткая цепочка. Серебряное кольцо на указательный палец. Джинсы, эластичная черная футболка. Телефон в карман, наушники в уши. Все, к бою с очередным прекрасным днем Кристина готова!

В комнату вошел Кириуша. Как всегда раздраженная его появлением, Кристина перекинула рюкзак через плечо. Напоследок автоматически бросила на себя взгляд зеркала – и застыла.

Из зеркала снова смотрела *она*. Другая Кристина. Пепельно-белые волосы забраны в аккуратный хвост, на веках – легкие бежевые тени, в ушах – аккуратные жемчужные капельки, и рубашка отвратительного нежно-розового цвета. Хоть сейчас фотографируй и выкладывай в «глянцевых» соцсетях!

Другая Кристина приветливо улыбнулась, и позвоночник Кристины насквозь прошел ледяной ужас.

Зажмурившись, Кристина заставила себя медленно досчитать до десяти и снова открыла глаза. Из зеркала на нее смотрело привычное, хорошо знакомое отражение.

Кристина устало прикрыла лицо руками.

Это началось около двух лет назад, и первое время появление отражения другой Кристины в зеркале не казалось поводом для волнения. «Померещилось!» – легко отмахивалась Кристина – и забывала о случившемся. Но за последний год чужое отражение стало появляться все чаще и чаще, и уже не только в зеркалах дома, но и в витринах магазинов, и даже в тонированных стеклах проезжающих машин.

Казалось бы, что тут такого пугающего? Не монстра же она видит и не привидение, не зомби и не умершего родственника. И даже не обманчиво невинную маленькую девочку с печальным взглядом, от которой в фильмах ужасов жди больше всего проблем. Нет, она просто видела себя такой, какой, наверное, хотели бы ее видеть мать и учителя. В любом случае не было в отражении ничего страшного. Просто расшалившееся воображение. Происки подсознания, не более; наверное, на каком-то уровне Кристина все же очень сильно хотела получать одобрение окружающих и подходить под их стандарты, хоть и убеждала себя в обратном.

И все же каждый раз при виде той, другой Кристины девушку охватывал парализующий первобытный ужас – до дрожи, до паралича. Идеальная картинка самой себя не должна внушать такой страх!

Кристина надеялась справиться с наваждением самостоятельно, включала логику, убеждала себя, что все это ей лишь мерещится и что ей просто надо перестать обращать на это внимание... Не помогало.

И поделиться проблемой было не с кем. Мать скажет, что это переутомление и стресс от учебы. Или, если будет в плохом настроении, а такое случается часто, отмахнется и велит не выдумывать глупости. Ни сочувствия, ни понимания от нее не дождешься, она вся в заботах о Кириуше и в беспокоействе из-за старшей медсестры в больнице, с которой она вот уже много лет конфликтует.

Нет, Кристина вовсе не думала, что мама ее не любит. Просто ее любовь выражалась исключительно через заботу о самых насущных нуждах, и других проявлений мама, похоже, просто не знала – или у нее не было на них сил и времени. Сыта? Одета? На второй год не

оставляют? Ну вот и чудненько! А интересоваться мыслями и увлечениями дочери или поговорить с ней по душам маме даже не приходило в голову.

К отцу Кристина за советом и подавно не пошла бы. Они уже давно как-то незаметно стали чужими друг другу. Соседи, которые живут под одной крышей. Отец работал допоздна, даже по выходным. И хоть и не напивался, но регулярно выпивал. Скромный бизнес по авторемонту приносил скромный же доход и отнимал все время и силы. «Зато пашу на себя, а не на дядю», – возражал отец на периодически выдвигаемые мамой требования поискать другую работу. Он едва ли перекидывался с Кристиной парой слов за ужином – да и редко они были, ужины всей семьей. Зато нередкой была ругань, которую устраивали родители за плотно закрытыми дверьми зала... Как будто эти хлипкие картонные преграды не пропускали звуки! А время от времени Кристине и вовсе казалось, что она видит в глазах отца удивление, когда они встречаются на кухне или в коридоре их тесной двушки, – словно он забывал, что у него есть дочь.

Зато про сына отец всегда помнил! Но Кристина с этим уже давно смирилась. С тех пор как родился брат, ей, как старшей, забота доставалась по остаточному принципу. А поскольку брат родился *особенным*, эти остатки представляли собой лишь жалкие крохи родительского внимания.

Нет, поделиться с родителями вообще не вариант. И так было всегда. Во всяком случае, с рождения Кириуши – точно. Расхожие фразы о том, что твой дом – твоя крепость, твоя семья – надежный тыл, что дом – это место, в которое хочется возвращаться, всегда были для Кристины пустым звуком. Ее дом никогда не был ее крепостью, и она никогда не думала о нем как о месте, где можно укрыться от проблем и получить поддержку и понимание. В лучшем случае здесь можно было на время спрятаться от одних проблем, но только ценой получения других.

Иногда, правда очень редко, Кристине бывало стыдно за свое недовольство. Есть же семьи, где родители беспробудно пьют, бьют своих детей, заставляют их попрошайничать и собирать пустые бутылки на улице, спихивают ненужных им отпрысков в детдом, а в самых страшных случаях подсаживают детей на наркотики, а то и вовсе продают. А у нее полная семья, нормальные родители, оба работают, никто ее и пальцем не тронул, и как ни крути, но о ней заботятся. И ее обида на то, что ей не уделяют больше внимания, просто ничтожна на фоне по-настоящему неблагополучных семей... И все же очень сложно убедить себя в том, что по всем формальным признакам ты должен быть счастлив, когда в глубине души прочно укоренилась уверенность, что тебе чего-то очень не хватает.

Впрочем, не хватало не только в семье, но и вообще в жизни. Тех же подруг. Будь у Кристины друзья, какими-то проблемами она могла бы поделиться с ними. Но подруг не было. Почему? Об этом задумываться не хотелось, уж очень неутешительные напрашивались выводы.

Какие еще варианты? Школьный психолог? Не уж, увольте, этой Анне Дмитриевне и самой психолог не помешает; молоденькая тусклая психологиня была классическим образцом тех, кто идет на психологический не для того, чтобы научиться решать чужие проблемы, а чтобы разобраться со своими. И с ними психологиня, похоже, пока так и не справилась.

Что еще? Антидепрессанты? Но их, наверное, не продадут без рецепта. Да и можно ли назвать происходящее с ней депрессией?

Психотерапевт в больнице? Ни за что на свете! Сколько в их дыре психотерапевтов? Один? Два? Можно не сомневаться: стоит только к нему сунуться – и в школе об этом узнают уже на следующий день. И привет, клеймо «психбольная». Две Ольги, некоронованные королевы класса, и без того зло подшучивают, что Кристина точно ку-ку, раз она так нелепо одевается и красит волосы в такой странный цвет, к тому же у нее брат-идиот, а психические расстройства – это ведь семейное и наследственное, да?

Нет, придется как-то справляться самостоятельно, без посторонней помощи. Например, просто не обращать внимания на эти странные видения, и они наверняка сами собой пропадут. Должны пропасть!

– Кристин, подожди! – позвал Кирюша, торопливо запихивая учебники в рюкзак. – Я хочу с тобой!

– Не маленький, сам дойдешь, – огрызнулась Кристина. Не собиралась она вести его в школу! Она не хотела, чтобы их лишний раз видели вместе. Нет, конечно, все и так знали, что Кирюша – ее брат, и все же Кристина старалась не показываться с ним на людях.

– Ну Кристин! Ну пожалуйста!

– Не ной! Будешь ныть, не приду после физры, понял?

Кирюша замолчал – резко, словно его выключили.

Кристина на прощание с вызовом взглянула на зеркало – а ну-ка, давай, посмей только показаться! Из рамки на нее послушно взглянуло ее собственное отражение. Кристина удовлетворенно кивнула и вышла из комнаты.

Отражение Кристины тоже пропало, а затем снова появилось, уже аккуратно причесанное, в розовой рубашке, и посмотрело вслед Кристине. Затем встретилось взглядом с Кирюшей, который смотрел на него во все глаза, улыбнулось и помахало ему рукой. Кирюша вздрогнул, моргнул и отвел взгляд.

* * *

Кристина торопливо натягивала кеды, надеясь улизнуть из дома прежде, чем ей что-то поручит мама или ее нагонит прилипчивый младший брат.

– Кристи-ин!

Кристина с досадой закатила глаза. Не успела! Мамино «Кристи-ин!» не предвещало ничего хорошего. Если мама звала с такой интонацией, это означало одно из двух: собирается или за что-то отругать, или нагрузить каким-то неприятным занятием.

– Совсем забыла. У отца два билета в цирк...

– Откуда?

– На работе вроде кто-то дал.

– Я не про то. Откуда в нашей дыре цирк?

– Так это странствующий цирк. Как такие называют? Шапито? С гастрольями. В общем, представление сегодня вечером в семь. Сходишь с Кирюшей.

– Нет! – категорически отрезала Кристина. Ни за что! Только цирка ей еще и не хватало. Если только кто-то ее там увидит, то насмешкам не будет конца и края!

– Отец задержится на работе, а я во вторую смену. Больше с ним идти некому.

– Значит, обойдется без цирка.

– Кристина! – повысила голос мать. – Кирюша очень обрадовался, когда узнал. Он никогда не был в цирке.

– А нечего было обещать, если ты не знала наверняка, получится ли его туда сводить.

– Ты же знаешь, как важно для Кирюши быть среди людей и получать новые впечатления! – попыталась увещевать мать. – Обычно он очень не любит людные места, а тут даже сам захотел пойти!

– Рада за него, – буркнула Кристина.

– Нужно с ним ходить. Это очень важно для его развития!

– Вам нужно – вы и развивайте.

– Что значит «вам»? – возмутилась мама. – Кирюша твой брат!

– Я брата не просила. Тем более такого... дефективного.

Последние звуки еще не успели раствориться в воздухе, когда Кристина пожалела о сказанном. Конечно же, родители тоже не выбирали такого ребенка. Каждый хочет, чтобы его дети были здоровы.

В глубине души Кристина понимала, что нужно извиниться, но сама мысль об этом заставляла все внутри восставать в протесте. Признавать свою неправоту было очень неприятно! Проще сделать вид, что ничего не говорила. Или притвориться, что ты не считаешь, будто сделала что-то не так.

Мама побелела и плотно сжала губы. Но она не успела ничего сказать, потому что от дверей спальни раздался голос Кирюши:

– Я не дефективный.

Слова повисли в тишине.

– Хватит, – тихо и как-то очень устало сказала мама, глядя на Кристину. – Сегодня ты ведешь Кирюшу в цирк – и точка!

Если бы не чувство вины, которое Кристина все же чувствовала в глубине души, она бы отказалась. Но пришлось промолчать. Этакий бартер: поход в цирк в обмен на то, чтобы не извиняться.

«Не слишком-то выгодная сделка», – подумала Кристина, выходя из подъезда. Металлическая дверь захлопнулась позади с каким-то особенно громким лязгом и зловещим стоном. «Словно дверь склепа», – поежилась Кристина и тут же себя выругала за впечатлительность. Откуда ей вообще знать, как хлопают двери склепов, она же ни в одном не была!

– Кристин! Подожди! Я с тобой!

Металлическая дверь снова хлопнула – на этот раз совершенно нормально, без всяких зловещих стонов и скрипов, пропуская Кирюшу. Брат быстро нагнал Кристину, взял за руку и с довольным видом зашагал рядом. На лице сияла счастливая улыбка.

Кристина никогда не понимала, почему Кирюша постоянно таскался за ней хвостом, хотя она не давала себе труда скрывать, что брат ужасно ее раздражает. Эта его щенячья привязанность не умиляла, а бесила.

– Мы пойдем сегодня в цирк, да? – спросил Кирюша.

– Похоже на то, – буркнула Кристина и вырвала у него руку.

– Я очень рад, – серьезно сказал Кирюша и снова взял сестру за руку. На этот раз она не стала ее вырывать.

– Так хочешь в цирк? – хмыкнула Кристина.

– Нет. Так хочу с тобой.

* * *

Фьор проснулся оттого, что старый автобус хорошенько потрянуло на ухабе. Глянул за серую хмарь за окном – еще утро, и они еще не доехали, повернулся на другой бок и попытался заснуть, но понял, что остатки сна неумолимо рассеиваются в воздухе.

С завистью покосился на соседей. Ковбой мерно похрапывал, Вит спал как убитый, никакие кочки и ухабы их не беспокоили. То ли такой крепкий сон, то ли они просто колесят намного дольше него и выработали привычку.

Сев на постели, Фьор первым делом прищелкнул пальцами, и в них появился язычок огня. Он погасил его, сжав кулак, а затем снова щелкнул. И снова погасил. И снова зажег.

Выглянул в окно: не видно ли уже городка, где им предстоит выступить? Названия Фьор не запомнил – да и зачем? Одно представление – и снова в путь. Этот безликий, безымянный городок наверняка ничем не отличается от десятков других, в которых он уже побывал.

Мерно шуршали шины по асфальту, негромко, привычно рычал мотор, тихонько дребезжало что-то в хвосте автобуса. Привычные, знакомые звуки, в которые Фьор обычно не вслу-

шивался. Но сегодня что-то было не так, и он пытался понять, что именно. Какая-то неуловимая, новая нотка, природу которой он никак не мог определить. Фьор погасил огонек, чтобы не отвлекаться, и полностью сосредоточился на слухе. Но чем старательнее он вслушивался, тем все более непонятной становилась эта нота.

Впереди, на горизонте, появились крошечные силуэты домов – окраина города. И таинственный звук стал обретать силу. Сейчас он походил на эхо короткого крика. Это эхо металось, отскакивая от невидимых стен, каждый раз меняясь. Казалось, стоит только прислушаться чуть внимательнее – и получится разобрать слово.

Фьор так старался, что заломило в висках. Неуловимое эхо дразнило, но в слово так и не превратилось. Однако когда автобус въехал на окраину города и с обеих сторон потянулись унылые серые дома, кожа вдруг покрылась мурашками, как от холода, а таинственный звук внезапно обрел четкий смысл.

Это был... зов. Да, за неимением лучших слов «зов», пожалуй, оказался самым близким определением этого странного звука.

Фьор понятия не имел, кто его звал, куда и зачем. Но откуда-то точно знал, что зов послан за ним, и сопротивляться ему не было сил. Он должен выйти в этом безымянном городе и найти того, кто его зовет.

Щелчок пальцев – и в них снова появился язычок огня.

* * *

Афиши цирка были повсюду: на остановках и на столбах, на заборах и на автобусах. Кристина недоумевала, как это она пропустила. Неужели настолько ушла в себя, что не замечала этой аляпистой навязчивой рекламы?

Мимо проехал, чихнув облаком дыма из выхлопной трубы, автобус. На боку, от крыши до колес, красовался огромный рекламный плакат с гимнастами, клоунами и жонглерами и надписью неожиданно строгими белыми буквами «Цирк “Колизи-он”». Кристина фыркнула, увидев это название. Какое претенциозное имечко для цирка! Тем более для шапито. Даже само слово «шапито» казалось Кристине каким-то дурацким и вызывало ассоциацию с чем-то несерьезным, беспорядочным и любительским. И вот туда ей придется сегодня идти? Ох...

Рядом с надписью «Колизион» улыбалось клоунское лицо. Точнее, Кристине сначала показалось, что оно улыбалось, потому что тонкие красные губы растягивались на белом, как у Пьеро, лице. Но клоун не выглядел веселым. На выбеленном лице не было ни обведенного широкими полосами рта, ни ярко подведенных глаз, ни смешного шарика на носу. Только тонкая красная линия губ, аккуратная красная точка на кончике носа и две черные точки под глазами, которые придавали взгляду клоуна неожиданно серьезный и усталый вид. Будь у него хотя бы яркая рыжая или желтая копна! Но нет, лысую голову венчал пучок пушистых бесцветных волос.

Автобус проехал мимо, и невольно проводившая его взглядом Кристина вздрогнула; ей показалось, что глаза у белого клоуна живые и что они следят за ней. Кристина поежилась. Только клоунов ей еще не доставало! Хватит с нее чужого отражения и замогильно лязгающих дверей подъезда.

Кристина бросила нервный взгляд на уезжающий автобус – просто чтобы убедиться, что, конечно же, никакие у клоуна не живые глаза, – и почувствовала, как земля уходит из-под ног. У заднего стекла автобуса стояла другая Кристина и смотрела прямо на нее, в упор. Та самая Кристина, с аккуратным хвостиком и в мерзкой девчачье-розовой рубашке, которая так хорошо смотрелась бы на обновленной фотографии в ее профиле в соцсетях.

Вид на заднее окно перекрыла невеста откуда взявшаяся пожарная машина; она мигала всеми огнями и оглушительно выла, а вдалеке слышался вой других.

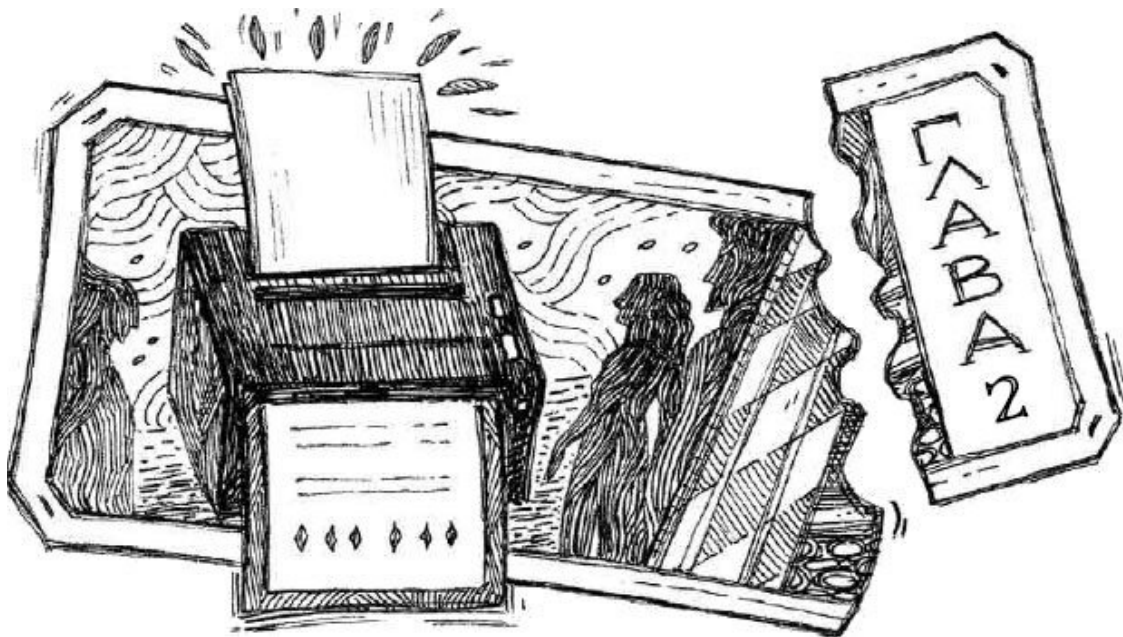
Пожарная машина проехала, и Кристина тут же отыскала взглядом автобус. Он заворачивал за угол. Конечно же, глаза клоуна за ней не следили, и никого около заднего стекла не было.

А затем мимо Кристины медленно проехал автомобиль, от вида которого у нее захватило дух. Старинный, роскошный, словно из времен черно-белых фильмов и джаза, черный, с яркими хромовыми деталями, тонированными окнами и множеством круглых фар разных размеров. Когда это чудо автомобильного производства поравнялось с Кристиной, стекло пассажирского сиденья слегка приспустилось, и в образовавшуюся щель выскользнуло несколько листов бумаги. Их тут же подхватил ветер, разнес по дороге. Один лист швырнул прямо

Кристине под ноги. Она наклонилась, подняла бумагу и перевернула. Это была цирковая афиша, с которой на нее смотрел белый клоун. Тот самый, с автобуса.

Глава 2

Даже без грима Сол очень походил на своего сценического персонажа: бледное лицо, тени под глазами, покрасневший кончик носа и копна бесцветных взъерошенных волос на макушке. Но, несмотря на меланхоличный вид, директор цирка был человеком энергичным, деятельным и решительным. Казалось, ничто не может выбить почву у него из-под ног или заставить его потерять самообладание. У Сола всегда был план. И план Б на случай, если первый план не сработает.

Сол спокойно выслушал просьбу Фьора пройти по городу.

– Странно. Ты же обычно никогда не выходишь. И даже на самых первых порах не просил! Что, кстати, в свое время тоже казалось мне странным. Все новенькие только и делают, что рвутся выйти в каждом городе, где мы останавливаемся, – проверить, не здесь ли их новое место. Но не ты.

Сол уставился на Фьора выжидательным взглядом. Фаерщик сделал вид, будто не слышал незаданный вопрос. Директор был прав, все новенькие проходили через стадию, когда каждый населенный пункт, в котором они раскидывали шатер, казался им Тем Самым, где они найдут свое новое место в этой жизни. И было неважно, большой это город или маленький поселок. Лишь бы только вернуться в обычный мир. Они жадно рассматривали городские пейзажи, гуляли по улочкам, вдыхали запах кофеен и бензиновых выхлопов и с жадностью читали все афиши и объявления. Они будто примеряли город на себя, заранее представляя, как будут тут жить. Но цирковое представление заканчивалось, шатер сворачивался, заводились моторы грузовиков, трейлеров и автобусов, и те увозили с собой очередную порцию осколков разбившейся надежды.

Фьор эту стадию благополучно миновал. Главным образом потому, что, когда все рвались вернуться обратно, он, наоборот, только хотел уйти подальше. И хотя с той поры прошло немало времени, Фьор по-прежнему не был готов поделиться, почему он никогда не хотел вернуться обратно, в обычный мир.

– Ну а вот сейчас вдруг почему-то захотелось пройти, – сказал он, сделав вид, будто слышал вопрос Сола как «почему тебе сейчас захотелось выйти», а не как «почему тебе нико-

гда раньше этого не хотелось». Объяснить точнее он и сам не мог; он до сих пор не был уверен, что непонятно откуда явившийся таинственный зов – это не плод его воображения.

– Что ж, иди, раз хочется, – спокойно сказал Сол, отвернулся к зеркалу и продолжил накладывать грим, поглядывая на отражение фаерщика. – Представление только вечером, подготавливаться еще успеешь. Только осторожно. Помни о правилах.

– Помню, – кивнул Фьор. Подошел к двери трейлера, остановился и нерешительно обернулся. – А это может быть он?

– Уход? – сразу понял Сол. – Вряд ли. Уход обычно происходит только на арене, во время представления.

– Но всегда может быть первый раз, верно? – заметил Фьор.

Сол отложил губку с белым гримом и внимательно взглянул на фаерщика.

– Я даже не пойму, хочешь ты этого – или, наоборот, боишься?

Фьор лишь молча пожал плечами и вышел.

* * *

Две Ольги, шатенка и блондинка, стояли у входа в школу. Некоронованные королевы класса выглядели так, словно сумели перенести фотофильтры из телефонных приложений в реальную жизнь: безупречная кожа, идеальные ресницы, аккуратные локоны и выразительные взгляды. При виде Кристины с братом тщательно накрашенные рты растянулись в ехидных улыбках.

– О, гляньте, сегодня она с Форрестом за ручку! Опять будешь своему братцу-придурку шнурки после физры развязывать?

Буквально волоча Кирюшу за руку, Кристина молча прошла мимо, из последних сил заставляя себя не реагировать. Стоит только начать, и две «глянцевые» Ольги с точностью акул, почуявших кровь, поймут, что нащупали больное место. И станут жалить в него со стремительностью гадюк, на которых так походили своими повадками.

– Кого они называли Форрестом? – спросил Кирюша, послушно стоя, пока Кристина расстегивала ему пиджак в раздевалке. Зачем, спрашивается, покупать ему одежду на пуговицах, если он не умеет их застегивать и расстегивать? – Меня? Они сказали, что ты держишь Форреста за ручку. Значит, меня. А почему они меня так называли? Они не знают, что меня зовут Кирилл?

– Знают, – буркнула Кристина.

– Форрест означает «лес» на английском, – продолжил Кирюша. – Красивое имя. Но у меня уже есть имя. Надо им сказать. Почему они называли меня Форрестом? Потому что я похож на лес?

– Потому что ты идиот! – не выдержала Кристина, рывком сдергивая с него пиджак.

– Я не идиот, – рассудительно возразил Кирюша. – И у меня есть имя – Кирилл. Я умею складывать и вычитать в уме четырехзначные цифры. Я могу рассказать всю таблицу Менделеева. Я знаю столицы всех стран мира...

– Да, да, все это и еще миллион важных ненужных вещей, – сердито отмахнулась Кристина, помогая брату надеть рюкзак.

Кирюша и впрямь знал впечатляющее количество самых разных фактов, от названия звезд в созвездиях до дат всех битв войны с Наполеоном. Но все это меркло на фоне того, что он не умел расстегивать пуговицы, завязывать шнурки и намазывать хлеб маслом, а также был начисто лишен образного мышления, не понимал шуток, не чувствовал границ личного пространства других и не владел даже азами такта. Трехлетний ребенок может в гостях заявить: «У вас суп невкусный», и все вокруг лишь усмехнутся и через минуту забудут. Когда точно так же громко и открыто скажет девятилетний, это вызовет в лучшем случае недоумение, а

в худшем – осуждение: вот ведь, совсем ребенка не воспитывают! Но как, спрашивается, воспитывать ребенка, у которого словно отсутствуют какие-то части мозга, отвечающие за поведение в обществе?

– Они назвали меня Форрестом. Но у меня уже есть имя. Почему они называют меня Форрестом? Потому что я похож на лес?

Кристина раздраженно закатила глаза. Еще одна милая особенность ее братца: он будет повторять один и тот же вопрос с монотонностью робота до той поры, пока не получит ответ – или Кристина не будет готова завизжать от раздражения.

– Они назвали тебя Форрестом, потому что ты как Форрест Гамп, – нехотя буркнула она. – Есть такой американский фильм, а Форрест – имя главного героя.

– Я на него похож?

– Ну, типа того.

Кристина не видела фильма, но она посмотрела рекламный трейлер после того, как фальшиво-сердобольная соседка-сплетница назвала Кирюшу Форрестом, и это имя с ее легкой руки намертво к нему приклеилось. Двух с половиной минут ролика более чем хватило, чтобы понять обидное, но точное сравнение. Фильм рассказывал о человеке, который был почти нормальным. И ключевое слово тут – не «нормальный», а «почти». Именно это обманчиво небольшое «почти» прокладывало огромную пропасть между Форрестом и миром в кино – и между Кирюшей и остальными в реальности.

– Постарайся хоть в этот раз обойтись без связанных шнурков, ладно? – устало попросила Кристина, зная, впрочем, что это бесполезно. Одноклассники считали, что связать между собой шнурки кроссовок и смотреть, как Кирюша беспомощно пытается ходить, не в силах развязать даже простейший узел, – это чудесное развлечение, и оно им никак не надоедало.

Когда Кристина зашла в класс, две Ольги были уже там. Они встретили ее мерзкими ухмылочками. Кристина давно привыкла – и к ухмылкам, и к язвительным насмешкам, и к гадким слухам. И лишь изредка устало удивлялась тому, что взрослые, казалось бы, люди – на пороге совершеннолетия, к лету закончат школу! – по-прежнему занимались такими глупостями! Но... разве можно считать глупостями то, что ранит так сильно? Нет, это настоящий буллинг. Хотя нет, никакой это не буллинг, Кристина терпеть не могла иностранное словечко, которое звучало так умно и солидно – и словно приглаживало и облагораживало уродливую суть, которая таилась под ним. А суть эту составляла самая настоящая травля.

Одноклассники что-то показывали друг другу в телефонах и хихикали. Должно быть, глянцевые гадюки Ольги снова оставили какой-то мерзкий комментарий к ее последнему посту с музыкой. Доставлять им удовольствие и проверять прямо сейчас Кристина не собиралась. Искушение удалить страницу из соцсетей регулярно ее посещало, но она терпела. Сделать так означало признать поражение, а этого Кристина допускать точно не собиралась. За первым поражением последуют другие – до тех пор, пока она не будет разгромлена наголову. Именно поэтому она продолжала поддерживать эту несчастную страницу, хотя давно не получала никакого удовольствия от новых постов. Бесит!

Когда разгорелся конфликт? Из-за чего? Сколько Кристина над этим ни думала, она так и не находила ответа. Пожалуй, ничего конкретного и не произошло, просто в школьном коллективе по определению должна быть королева и должны быть те, кто будет предметом для ее издевательств. В какой-то момент Ольги заняли нишу первых, а Кристине выпал удел вторых.

Вероятно, она могла бы примкнуть к свите «королев», но восхищенно на них смотреть и во всем им поддакивать в свое время показалось ей слишком высокой ценой за спокойствие.

С той поры Кристина не раз жалела о принятом решении. Став объектом злых насмешек Ольг, она автоматически осталась в одиночестве; никто не хотел оказаться рядом с жертвой, чтобы самому ненароком не стать преследуемым.

Кроме Кристины, в классе было еще несколько человек, кого Ольги сделали мишенями для насмешек. Но хотя, казалось бы, всем им следовало объединиться по принципу «враг моего врага – мой друг», этого не произошло. Да и сама Кристина не хотела иметь ничего общего с этими неудачниками. Она выработала для себя другую философию: если мир не хочет тебя принимать, ты делаешь вид, что на самом деле это ты не хочешь принимать мир. И если играешь такую роль достаточно долго, то и сама начинаешь в нее верить.

Кристина сказала себе, что ей нет дела до равнодушия одноклассников, игнорировала злые насмешки, отвечала резкостью и грубостью на особенно сильные выпады.

Она так старательно притворялась, так вживалась в роль, так следила за тем, чтобы не проявить своих настоящих чувств, что постепенно все одноклассники стали ее сторониться и считать, что она действительно такая: резкая, угрюмая и колючая. Крестину это вполне устраивало, и менять свое поведение – во всяком случае, до тех пор, пока она в этом коллективе, – она не собиралась. Она продолжала делать вид, будто ей искренне плевать и на насмешки Ольги, и на мнение о ней других одноклассников, и на свое одиночество, ведь стоит только раз показать, что тебе больно, что тебя задел, – и в это место будут бить с удвоенной силой. А если не обращать внимания, то раньше или позже злым языкам надоеет ее преследовать.

Правда, в ее конкретном случае это явно будет «позже», чем «раньше», так как Ольги, несмотря на все показное равнодушие Кристины, не унимались. Казалось, их злобу постоянно что-то питало, был какой-то раздражающий фактор, который не давал им успокоиться. Но какой? Кристина могла бы понять, будь она из богатой семьи. Или красавицей. Или круглой отличницей. Или она встречалась бы с Филом из 11 «А»: он держался с апломбом кинозвезды, и на него с интересом поглядывали все старшеклассницы, в том числе и обе Ольги. Но ничего из этого к ней не относилось.

Оставалось только набраться терпения и дождаться окончания школы. Тогда начнется нормальная, взрослая жизнь, и глупые злые игры останутся в прошлом. Кристина была к этому более чем готова. Жаль, что нельзя выпуститься уже в этом году. Она бы с радостью оставила позади гадюшник под названием «школа». И родителей с Кирюшей – без сожалений! И весь этот убогий серый городишко, где ничего никогда не случалось и где все были обречены на бессмысленное, унылое существование. Кристина никогда не чувствовала, что здесь ее дом, ей всегда казалось, что ей уготована другая жизнь. Более яркая, более насыщенная и более значимая. Что за жизнь? Этого она не знала. Но точно знала, что она будет не здесь.

Мысль о том, что, возможно, никакой другой, лучшей жизни там, в будущем, для нее нет, Кристина старательно гнала от себя. Потому что если ее нет и ее судьба – навсегда остаться здесь, то лучше такую жизнь и не проживать вовсе.

* * *

В пустой раздевалке смирно сидел Кирюша. Он уже давно не пытался куда-то ковылять в связанных между собой кедах и уж тем более не пытался распутать шнурки самостоятельно.

Устало вздохнув, Кристина присела перед ним на корточки и развязала узлы. Они даже не были тугими! Совсем простые! Только потянуть за шнурок – и он сам развяжется! Но Кирюша не мог сделать даже этого...

Как же бесит! Так хотелось дать ему подзатыльник и в сердцах выплюнуть: «Ты совсем идиот? Ну вот же, просто потянуть за шнурок, и все! Тут и куриных мозгов хватит!» Но Кристина знала, что это бессмысленно. В прошлом она уже не раз так делала, но ничего не менялось: Кирюша не начинал развязывать шнурки, а ей самой если и становилось легче оттого, что она выплеснула раздражение, то только на миг. Кристина почти сразу же понимала, что, как это ни трудно принять обычному человеку, Кирюша и впрямь не может справиться со шнурками. А значит, зря она на него срывалась. Последняя мысль неизменно вызывала укол вины,

и это ужасно раздражало. Кристине вообще казалось, что она постоянно сердится на все и вся, и мир вокруг словно задался целью как можно сильнее вывести ее из себя. И это тоже бесило.

Рывком поставив брата на ноги, Кристина помогла ему надеть рюкзак и грубовато толкнула в спину:

– Всё? Или сегодня еще будут проблемы?

– Я не могу наверняка знать, что будет дальше, – рассудительно ответил Кирюша.

Кристина закатила глаза. Это свойство воспринимать все вопросы предельно буквально делало любую беседу с братом тем еще испытанием!

Перемена уже заканчивалась, и Кристина поспешила в класс, на ходу проверяя свою страничку. Так и есть, очередная порция гадостей от анонимов. Кристина быстро удалила комментарии, прекрасно зная, что скоро появятся новые. У этих гадюк даже не хватало храбрости писать под своими именами! Порой она испытывала искушение оставить пару мерзких слов под их постами, но каждый раз удерживалась, не желая опускаться до их уровня... и давать очередной повод для злословия. Хотя отсутствие повода их никогда не останавливало.

Не удержавшись от искушения, Кристина заглянула на страницу Фила и привычно заколебалась, увидев новый пост. Очень хотелось поставить лайк, но она знала, что, с одной стороны, если это заметят Ольги, – а они заметят! – то у них появится новый повод для жалищих насмешек. С другой стороны, если она не поставит ни одного лайка, то как иначе сможет дать понять Филу, что он ей интересен? Да, понятно, что он нравится всем девочкам школы и шансы у нее, мягко говоря, невысоки, но все же...

Как обычно, в этой борьбе победило соображение собственного спокойствия. Кристина на ходу свернула страницу – и на кого-то налетела.

– Эй, осторожнее! – автоматически огрызнулась она. Да что это такое? Хотя в классе она и чувствует себя изгоем, она же не невидимка, чтобы так на нее налетать!

– Извини, – послышалось в ответ.

Кристина подняла голову и будто проглотила язык: перед ней стоял Фил. Как говорится, нарочно не придумаешь.

– Симпатичный кулон, – добавил объект мечтаний всех старшеклассниц, слегка прикоснулся кончиком пальца к подвеске на чокере – и спокойно пошел дальше.

Кристина стояла на месте, глядя ему вслед, и думала, что ведет себя точь-в-точь так, как влюбленные дурочки глупых романтических комедий, которые она так презирала. Жалко и смехотворно!

Встряхнув головой, Кристина заторопилась на урок. Но перед тем как войти в класс, она все же снова открыла страницу Фила – и впервые поставила лайк к его посту.

* * *

Городок с вызывающим ухмылку названием Верходновск походил на лабиринт, живущий самостоятельной жизнью, и эта жизнь словно задалась целью не дать Фьюру достигнуть своей, а именно – найти источник зова и покончить уже с этим тревожным ощущением, которое неприятной вибрацией отдавалось в нижней части позвоночника.

Фьюр кружил по городу больше часа и был готов поклясться, что уже видел эту улицу из старых пятиэтажек, – или она просто так похожа на другие? – что уже проходил мимо зеленого супермаркета «Ромашка» крайне скромных размеров – или в этом городишке их несколько? – и уж точно видел афишу о выступлении ансамбля народной самодеятельности «Гордость Верходновска»; впрочем, их наверняка расклеили больше чем один экземпляр.

Источник зова был где-то недалеко, но, как ни старался Фьюр к нему приблизиться, тот ускользал, будто играл с ним в прятки.

А затем появился запах гари. И Фьор почти против воли пошел на него; там, где есть гарь, есть и огонь, а с огнем у Фьора были особые отношения: гремучая смесь привязанности, ненависти и зависимости.

За очередным поворотом похожих одна на другую улиц появились клубы дыма.

«Это меня не касается. Это не мой город, я тут лишний и вообще не должен был здесь оказаться», – внушал себе Фьор, но ноги сами несли его к пожару.

Горел трехэтажный дом старой постройки. Точнее, горела только одна его половина, но зато сверху донизу. К запаху гари примешивались ощутимые нотки газа. Наверное, рвануло трубу, и сразу по всему стояку. Пламя энергично лизало облезлые, покрытые осыпающейся штукатуркой стены и с ревом вырывалось из окон. Внутри, в квартирах, огонь полыхал с такой силой, словно там все облили бензином, набили сухими дровами и поддували горном.

Ослепила вспышка непрошенных воспоминаний: перед глазами появился другой огонь, не в многоквартирном жилом доме, а в небольшом здании закрытого клуба, о существовании которого знал очень узкий круг лиц. Этот огонь до сих пор приходил во снах – и напоминал об испытанном ужасе и злорадном удовлетворении.

Фьор встряхнул головой, отгоняя воспоминания. Это в прошлом, и теперь даже не в его прошлом, того человека больше не существует. Теперь есть только Фьор, артист странствующего цирка «Колизион», а его место в прежней жизни занимает *другой*. И тот другой уже наверняка давно разрешил все проблемы с полицией. Должно быть, к этому времени он блестяще закончил вуз, устроился на хорошую работу, оставив в прошлом ресторан быстрого питания, и обзавелся хорошим жильем, ведь тот, другой, точно знает, как прожить жизнь Фьора куда лучше его самого. Кто знает, может, тот, другой, даже снова встречается с его... с Ирой. Хотя это вряд ли, Иру слишком сильно поломал тот пожар. Точнее, то, что ему предшествовало.

Встав на противоположной стороне улицы, Фьор засунул руки в карманы пальто, глядя на пожар и хаос вокруг горящего дома: люди беспорядочно носились, бестолково суетились, махали руками, кричали и совершали прочие бесполезные действия. Воя сирен пока не было слышно; значит, пожарным позвонили совсем недавно, и они еще не успели выехать. Зато отчетливо слышались крики, несущиеся из горящих квартир, и они почти заглушали зов, который все так же четко различал Фьор.

В глубине окон то и дело мелькали фигуры людей, пытающихся вырваться из плена огня, пробиться к спасительным проемам, но пламя горело слишком мощно, и они оставались в плену пожара. Из окна второго этажа с диким мявом выскочила кошка, успешно приземлилась на траву и прыснула прочь. Ей повезло куда больше, чем хозяевам; Фьор видел там, в глубине, человека, пытающегося прикинуть, как бы и ему пробраться к окну, а в руках у него был какой-то крупный сверток. Из слоев ткани вдруг появилась маленькая ручка, и Фьор с шумом втянул в себя воздух. Это не сверток. Это ребенок.

Фьор точно знал, что этого делать нельзя. Чего он не знал, так это того, откуда пришло решение. Но оно пришло – и у Фьора будто не осталось другого выбора. Он на миг прикрыл глаза, а когда открыл, внимательный наблюдатель мог бы заметить, что его зрачки стали мерцать серебристым светом. Но если таковой и был поблизости, то все его внимание наверняка обратилось на пожар; люди всегда с жадным любопытством следят за чужими трагедиями.

Снова взглянув на горящий дом – на этот раз мерцающими серебристыми глазами, Фьор отчетливо увидел смешных обезьянок на детской распашонке и ярко-красную соску, зажатую в крошечном кулачке. Ну вот зачем он это увидел?

Все предупреждения Сола миглом промелькнули в голове Фьора, но для них было уже слишком поздно, пальцы жили своей жизнью, пальцами управлял не разум, а эмоции и душа, если она, конечно, оставалась у таких, как Фьор. Пальцы слегка прищелкнули, и между ними появился язычок пламени. И Фьор в который раз усмехнулся, оценивая жестокую иронию

судьбы: то, что когда-то поломало ему жизнь, стало теперь ее неотъемлемой частью и главным условием его существования.

Фьор чуть прикрыл глаза и вообразил, что стоит на арене цирка – иначе не работало бы. Вот битком набитый зрительный зал, вот привычный полосатый купол над головой, вот свет софитов, направленный на него. А вот и ощущение знакомой энергии, той, которая возникала только во время представлений – и достигала пика к финалу номера. Слабая и неуверенная, энергия текла ручейком, постепенно набирая мощь, и вскоре заполнила Фьора до краев. И все исчезло – и горящий дом, и крики из окон, и красная соска, и улица, и весь город Верходновск. Остался только Фьор – и огонь.

И зов, по-прежнему требовательно притягивающий его к себе.

Это был чужой огонь, дикий, рассерженный, необузданный. И все же – родной. Фьор принимал его в себя, утешал, уговаривал. И огонь слушал и реагировал; он успокаивался и утихал. А Фьор продолжал говорить с ним до тех пор, пока не исчезли все огненные языки в окнах на всех трех этажах и пока мужчина с ребенком на руках не добрался до окна и не передал свою ценную ношу собравшимся внизу, а затем и не выбрался сам.

Послышался вой пожарных сирен, и Фьор понял, что ему пора. Сжал кулак, разрывая связь с огнем, – и вскрикнул от резкой боли, обжегшей ему ладонь. Встряхнул руку, засунул в карман и торопливо зашагал прочь, идя все быстрее и быстрее – до тех пор, пока не перешел на бег.

Через три квартала Фьор наконец остановился и перевел дух. Поднял руку, посмотрел на ожог на ладони. А потом щелкнул дрожащими пальцами.

Когда в пальцах не появилось язычка пламени, Фьор испытал настоящий шок. Хотя не должен был, его же предупреждали, что так и будет. Но, видимо, в глубине души он не верил. В цирке было слишком много вещей, которыми их стращали, но Фьор своими глазами видел лишь небольшую часть, потому подсознательно считал, что не все из того, чем пугают старожилы, правда.

Пытаясь списать неудачу на усталость, на дрожащие пальцы и на потерю концентрации, Фьор щелкал пальцами снова и снова – до тех пор, пока не пришлось принять пугающую реальность: он потерял огонь.

Неуловимый зов где-то вдалеке злорадно захохотал.

* * *

Остаток дня обошелся без насмешек. Во всяком случае, яд, который разбрызгивали Ольги, попадал не на нее. Простодушная Катя со второй парты с немодной толстой косой и мамой – школьной библиотекарьшей имела неосторожность обмолвиться, что сегодня вечером идет в цирк, что спровоцировало волну жалищих насмешек со стороны Ольг.

Глядя на то, как они на пару упражняются в злословии в адрес доведенной до слез Кати, Кристина гадала, когда же уже Ольги разругаются между собой. По всем канонам и законам жанра королева может быть только одна. Значит, это только вопрос времени, когда кому-то из Ольг надоест вечно быть одной из двух, а не одной-единственной. Кристина только надеялась, что будет рядом и станет свидетельницей того, как эти гадюки вцепятся друг в друга. А если уж совсем помечтать, то хорошо было бы, если бы они не поделили какого-то парня! Например, Фила. И чтобы в финале Фил не выбрал ни одну из них...

В класс вошла учительница, и начался урок физики. Но Кристине было не до формул. Глядя на покрасневшие глаза Кати, она живо представляла себе, какой поток словесных издевок ее ждет, когда до Ольг дойдет, – а это непременно случится! – что Кристина тоже была в цирке.

Как же это все бесит! Как же надоело терпеть такое обращение в школе! Надоело развязывать шнурки Кирюше! Надоело быть ненужной родителям! Надоело жить в этой дыре, где нет никаких шансов и перспектив, надоело делать сотни бессмысленных вещей просто потому, что кто-то однажды решил, будто они нужны... Надоело жить в состоянии постоянной злости и раздражения на все на свете. Наконец, надоело быть одной и притворяться, что ее это вполне устраивает!

За окном раздались раскаты грома, и Кристина, вздрогнув, с удивлением посмотрела на улицу. Она и не заметила, как небо, которое еще недавно было почти по-летнему синим, затянули мрачные тучи, напоминая о том, что на дворе уже осень, а на улице так резко стемнело, что показалось, будто наступил вечер. Поднялся ветер, по асфальту зашлепали тяжелые, крупные капли дождя.

По тротуару, засунув руки в карманы куртки, не спеша шел парень лет двадцати в светлом пальто. И пальто, и его владелец резко выделялись на пасмурной улице: пальто – неп्राктичным молочно-белым цветом, а парень – размеренным шагом, хотя все вокруг торопились спрятаться от дождя, и взглядом, любопытным, словно у туриста, и внимательным, словно у частного сыщика.

К остановке подошел автобус, пешеходы бросились к открывшимся дверям, а парень и бровью не повел, продолжал неторопливо идти под дождем, хотя светлые кончики русых, зачесанных набок волос уже намокли. А затем он вдруг остановился так резко, словно налетел на невидимую преграду, медленно повернулся к школе и зашарил взглядом по окнам так тщательно, будто высматривал в них что-то жизненно для него важное.

У Кристины почему-то заколотилось сердце и появилось необъяснимое желание отпрянуть, чтобы парень ее не увидел. Хотя, казалось бы, какая разница? Ну, положим, увидит он ее – и что? За ней точно не охотятся бандиты или агенты тайных спецслужб, так что он может смотреть сколько угодно!

Парень продолжал обшаривать взглядом окна, а затем совсем рядом ударил гром – и Кристина вздрогнула, потому что взгляд незнакомца нашел ее, и их глаза сцепились, словно два магнита, притянутые друг к другу; как ни дергай – не отпускает! Мир вокруг ушел в пустоту и погрузился в оглушающую тишину, Кристина увидела графитово-серые, с чуть припухшими веками глаза парня, и зрачки, в которых горело пополам торжество и отчаяние – и полыхало пламя костра. Это пламя пугало и завораживало, Кристина не могла отвести от него глаз, и чем дольше смотрела, тем больше этот огонь рос и ширился, пока ей не стало казаться, что она оказалась внутри него.

Ослепительный всполох света расколол наваждение. Кристина моргнула и поняла, что совсем рядом, чуть ли не прямо перед окном, за которым она сидела, ударила молния. Почти сразу следом грянул оглушительный раскат, и в рамах зазвенели стекла.

От векового дуба, растущего перед школой, потянуло легким дымком, а само дерево будто начало рассыпаться на куски, которые плавно, как при замедленной съемке, начали разлетаться в разные стороны. А потом время щелкнуло – и вернуло мир на обычную скорость, и Кристина с испугом поняла, что обломок массивной ветви летел прямоком в нее. Еще немного – и он разобьет стекло!

Встрепенулся обычно дремлющий первобытный инстинкт, заставил Кристину не думая нырнуть под парту и прикрыть голову.

Удар, звон разбивающегося стекла, крики одноклассников, и Кристина запоздало поняла, что произошло: молния ударила в дерево.

Когда звон и грохот затих, ученики как по команде бросились к окнам, торопливо включая телефоны: каждый стремился скорее запечатлеть необычную картину и первым выложить в соцсеть, словно это было соревнование, которое нужно во что бы то ни стало выиграть, – и словно миру было дело до того, что случилось перед школой города Верходновска.

– Никто не пострадал? Все в порядке? – прорезался через поднявшийся гомон голос учительницы физики.

Кристина стряхнула с себя несколько стеклянных крошек и заметила пару царапин на тыльной стороне ладони. Прекрасный повод для того, чтобы уйти с урока, не дожидаясь окончания.

– Я в медпункт, – сказала она, продемонстрировав ладонь с капельками крови.

Переполошившаяся учительница согласно махнула рукой, протискиваясь к разбитому окну и пытаясь навести в классе порядок.

Перед тем как уйти, Кристина выглянула на улицу.

Парня в белом пальто там больше не было.

* * *

Фьор не стал ждать, когда Сол сам все поймет, и пришел к нему первым. Директор сидел за трюмо и накладывал грим для представления – привычный ритуал для всех артистов, ценящих минуты, когда они могли побыть наедине с собой, собраться с мыслями и настроиться на выступление.

– Что случилось? – спросил он.

– Я потерял огонь, – без предисловий выдал Фьор, подавив желание спросить: «Как вы догадались?»

На самом деле случилось кое-что еще. Он все-таки дошел до источника зова – потрепанного здания школы, и Фьору даже показалось, что он увидел ту, которая его посылала, – девушку с белыми волосами. Но поговорить с ней и узнать, кто она такая и зачем зовет, не удалось; в газон перед школой ударила молния, буквально в клочья разорвала старое дерево, поднялась паника – и в ней девушка затерялась. Зов тоже затих. А оставаться дольше в городе Фьор не мог, нужно было готовиться к представлению.

Впрочем, последнее теперь представляло собой огромную проблему: как ему выступать?

Рука директора, державшая кисточку с краской, дрогнула, на белой щеке появилась уродливая черная клякса, похожая на рваную рану. Однако голос Сола звучал ровно, словно он не испытал никакого потрясения:

– Как это произошло?

– Я гулял по городу и случайно набрел на пожар...

Директор цирка молчал, глядя на Фьора. Тишина звучала сильнее любых упреков и очевиднее любых вопросов.

– Я все помнил. – Фьор опустил голову. – Но я... Наверное, я просто не до конца верил, что это и правда может случиться. Видимо, нас так многим страшат, а на деле ничего не происходит, вот подсознательно и кажется, что все это перестраховка.

– Прекрасно! – язвительно воскликнул Сол. – Я, понимаешь, вынимаю из себя все силы и душу, чтобы наш цирк работал по максимуму, чтобы каждый раз – на все сто. Чтобы уберечь всех нас от худшего: от потери дара, от гончих, от вражеских цирков, от удалений, – и что в итоге? В итоге у нас слишком хорошо! Слишком спокойно! Надо было, чтобы кто-то сошел с ума в цыганской кибитке. Чтобы гончие нагнали. Вот тогда все были бы пуганные! И тогда бы верили, да?

– Простите, – искренне выдохнул Фьор. – Но, если честно, дело не только в этом. Я просто не смог не вмешаться. Там были люди, и... как пройти мимо, когда ты знаешь, что можешь помочь? Но мне правда очень жаль, я не хотел вас подводить.

– У меня-то за что просить прощения? – устало вздохнул Сол, повернулся к зеркалу и принялся накладывать грим. Рука дрожала, вместо черных капель под глазами получались размазанные кляксы. Раздраженно отбросив кисть, директор цирка взял ватный диск, смочил

в растворе и стал стирать испорченный грим. – Ты не меня подвел, ты себя подвел. Я-то свой номер исполню без проблем. А вот что ты теперь будешь делать, когда лишился огня, – это большой вопрос.

– Что случается с теми, кто больше не может выступать? – спросил Фьор, и, как он ни старался, голос все же дрогнул. – Умение когда-нибудь возвращается? Или, может, его можно как-то получить обратно?

– Сам не видел, – с ноткой раздражения ответил Сол. – До тебя в моем цирке таких идиотов не находилось. Слышал, что к некоторым умение возвращается, но со сколькими это случалось, как много проходило времени и делали ли они для этого что-то особенное – не знаю. Не знаю даже, правда это вообще или нет.

– Что ж, вот на моем примере и выясним, – кивнул Фьор, надеясь, что его голос прозвучит достаточно легко и небрежно.

– Это вряд ли. Скорее всего, ты просто не доживешь до того, как к тебе вернется огонь, так что наш эксперимент не состоится, – сухо констатировал Сол. – Представление уже сегодня вечером. Если ты его провалишь, ты знаешь, чем это тебе грозит. Ты, конечно, можешь не верить в гончих, вражеские цирки и прочее, но в удаление-то ты веришь?

Фьор вздрогнул. Как можно не верить в то, что сам видел – и не раз?

А вот теперь удаление грозит ему самому.

И винить некого. Он сам себя подставил. Хуже того, он подставил весь цирк. Когда не может выступать один из них, на остальную труппу ложится повышенная нагрузка, и ее еще надо суметь вытянуть.

– Боишься? – спросил Сол.

– Да, – не стал притворяться фаерщик.

– Жалеешь?

Фьор на миг задумался. Вспомнил смешных обезьянок на распашонке и соску в кулачке.

– Нет.

Глава 3

Цирк удивил тем, что оказался куда большим, чем просто один шатер, в котором проходит представление.

Нет, разумеется, шатер тоже присутствовал: большой, в бело-фиолетовую полоску. Впрочем, белыми полосы были много лет назад, сейчас же это был скорее грязновато-серый цвет. На шестах, установленных вокруг шатра, трепетали темно-фиолетовые флаги с надписью «Цирк “Колизион”» витиеватыми буквами, в которых еще угадывались остатки позолоты.

Но одним только большим шатром дело не ограничилось – вокруг него раскинулся целый волшебный городок, а он возвышался над ним, словно средневековый замок над близлежащей деревенькой. Городок состоял из нескольких полосатых шатров поменьше. Из одного выходили счастливые детишки с разрисованными краской лицами... бабочки, цветы, загадочные узоры, мордочки зверей. Перед другим стояла очередь, и, когда полотняный полог пропускал очередного посетителя, можно было заметить зеленоватые тени и хрустальный шар гадалки. Что происходило в остальных, Кристина не догадывалась – и проверять не собиралась.

За малыми шатрами раскинулась целая ярмарка: красочные лотки, где продавали воздушные шары, сахарную вату и какие-то дешевые яркие безделушки с логотипом цирка, и пестрые киоски, в которых предлагали поиграть в игры вроде метания колец или стрельбы по мишеням на призы – загадочных плюшевых животных, которые с равным успехом могли быть как медведями, так и зайцами. Между киосками ходили жонглеры, подкидывая в воздух яркие шары, широко шагали на ходулях наряженные в пестрые костюмы циркачи и играла на аккордеоне, сидя на большом полосатом мяче, девушка в черно-белых полосатых штанах, фиолетовом пиджаке и черном цилиндре. Возле одной из палаток, залитой светом от немыслимого количества самых разных лампочек, собралась небольшая толпа, и детишки с восторгом наблюдали за тем, как сидящий за прилавком широкоплечий парень с татуировкой на бритой голове отсоединяет лампочки, на которые указывают зрители, и они продолжают светиться у него в руке.

Взлетали крашенные-перекрашенные качели-лодочки, воздух оглашался восторженным визгом. Натужно, со скрипом вращалось невысокое чертовое колесо; по его ободу шли полосы разноцветных лампочек, которые перемигивались яркими цветами и отвлекали внимание от

перегоревших – и от пятен ржавчины на ободке. А еще кружилась разноцветная карусель, и некогда яркие, а сейчас облупившиеся лошадки послушно возили счастливо слепых к этим признакам дряхлости детей. Откуда-то из-под крыши раздавалось: «Мы едем, едем, едем в далекие края»; веселая, казалось бы, мелодия звучала неожиданно мрачно и тревожно из-за того, что ее исполняли, да еще в намеренно замедленном темпе, на каком-то особенно скрипучем органе, из-за чего радостное «мы едем в далекие края» превращалось в мучительно-заунывную жалобу. А слышащиеся где-то фоном неземные ноты вотефона вызвали противные мурашки по спине.

И все это яркое, разноцветное, шумящее и потрепанное многообразие буквально тонуло в толпе зрителей, заполнивших занятое цирком пространство до отказа. Куда ни кинь взгляд – очередь, куда ни взгляни – улыбки, теснота и толкотня. Казалось, здесь собрался весь город!

Кристина покосилась на брата. Обычно равнодушные глаза восторженно сияли и наверняка превращали старый, потрепанный цирк в сказочное место. Как и все остальные визжащие от счастья дети, Кирюша не замечал ни грязного полотна шатров, ни облупившейся краски, ни потрепанного оборудования, которые видела Кристина, бессознательно задавшаяся целью найти в этом цирке как можно больше недостатков.

Видимо, магия цирка действовала не только на брата, но и на других посетителей; взрослые тоже выглядели радостно-взбудораженными. Это почему-то раздосадовало Кристину. Только крайне не избалованные развлечениями жители их паршивого городка могли так радоваться этому балагану! Она же взидала вокруг со снисходительной усмешкой. Все эти развлечения и аттракционы явно рассчитаны на самую невзыскательную и неизбалованную публику, а восторг собравшихся вызывал ассоциацию со счастьем дикарей, которым показали простенькие бусы. И Кристине было крайне неприятно осознавать, что и она тоже автоматически попадает в эту категорию невзыскательных и неизбалованных. Но, по крайней мере, насмешливая ухмылка на лице показывает остальным, что она не покупается на дешевое увеселение.

Кирюша вертелся, постоянно дергал сестру за руку и показывал пальцем на то, что находил интересным. А интересным ему казалось абсолютно все: и очередь, и какофония звуков, и гирлянды флажков, и девушка в длинном черном пиджаке, высоких черных сапогах и цилиндре, сидящая на большом шаре в красно-белую полоску и играющая на аккордеоне, и клоуны на ходулях, и облака разноцветной ваты, и даже аттракционы.

Кататься на качелях Кирюша, к счастью, не просился, и Кристина впервые порадовалась этой странности брата; все нормальные дети обожали крутиться на каруселях, а Кирюша просто не понимал, в чем тут удовольствие. И это прекрасно, потому что одного на карусель Кристина его не отпустила бы, а ехать с ним – это же такой позор, если кто-то из школы увидит!

Стоило только подумать о школе, и Кристина тут же увидела в толпе знакомое лицо. Ого, да это же Фил! Похоже, он тоже пришел сюда с младшим братом. Идеальная возможность для того, чтобы перекинуться парой слов на почве вынужденного похода в цирк, но Фил был слишком далеко и, кажется, Кристину не заметил. А первой пробиваться к нему через толпу Кристина не хотела, это выглядело бы слишком нарочито.

Но Кристина все равно попыталась. Однако столпотворение как-то незаметно вынесло ее с братом в другую сторону, а потом и вовсе оттерло за край толпы, и Кристина вдруг увидела не замеченный за шумом и пестротой цирка передвижной город на колесах, в котором путешествовали артисты. Он стоял на краю стадиона и состоял из интереснейших экземпляров: микроавтобусы с логотипами цирка по бокам, грузовики и траки с прицепами и фургонами для объемного оборудования, трейлеры, тоже заляпанные рекламными наклейками цирка, и несколько совершенно удивительных, словно сошедших со старинных открыток округлых автобусов ярких расцветок. Кристина даже в кино такие не видела, а тут – живую, да они еще и на ходу! Что-то ярко-розовое выглядывало из-за одного автобуса, и, сделав пару шагов в сто-

рону, Кристина увидела еще более поразительный экземпляр; казалось, это экспонат из музея истории автомобилистики! Такие, наверное, выпускались в самом начале прошлого века!

Между трейлерами и автобусами сновали люди; кто-то в сценических костюмах, а кто-то в обычной одежде, и каждый был занят делом – последние приготовления к представлению шли полным ходом. Одному из гимнастов прямо на нем зашивали костюм, клоуну едва не на бегу поправляли парик, а страшненький лопоухий мальчишка не старше Кирюши вприпрыжку бежал к одному из маленьких шатров, держа в руках бутылочки с красками. Парень в бандане на голове, в потертых, едва не спадающих джинсах и тяжелых армейских ботинках проверял кабели, которые тянулись от какого-то массивного агрегата к большому шатру...

Закулисная жизнь странствующего цирка кипела и бурлила, и было в ней что-то цепляющее за живое и заставляющее душу сжиматься от непонятной тоски – то ли о свободе, которой у Кристины нет и не было, то ли о другой жизни, которой у нее никогда не будет.

Из одного фургона выпрыгнул загорелый парень, костюм которого состоял из набедренной повязки; плечи, грудь и спину покрывали татуировки, руки выше локтя перехватывали узкие перевязи с длинной бахромой, и такие же были надеты на ноги чуть выше колена. Будь он на Гавайях, сошел бы за местного танцора, развлекающего туристов. Словно почувствовав на себе взгляд, парень повернулся и посмотрел прямо на Кристину. И она вздрогнула: она уже видела эти графитово-серые глаза с чуть припухшими веками. Сегодня днем, у школы во время грозы. Но, к счастью, на этот раз обошлось без видений костров и без молний, разносящих в щепки деревья.

«Гаваец» пошел дальше, к большому шатру, оставив Кристину гадать, действительно ли он видел ее сегодня в окнах школы, или это все ее собственное слишком бурное воображение.

– Пойдем, скоро начинается. – Кирюша потянул сестру за руку, выводя ее из задумчивости.

Кристина огляделась по сторонам. И впрямь, вокруг все затихло и опустело, и даже перед будкой, на которой красовалось загадочное слово «Капельдинер», что, видимо, означало проверку билетов, людей тоже не было; похоже, все уже собрались в шатре.

Подойдя к окошечку, Кристина с удивлением поняла, что в будке никого нет. Это что такое? Контролер билетов уже ушел? Но разве так можно? До начала представления же еще – Кристина глянула на телефон – целых четыре минуты! И потом, всегда есть опаздывающие...

Кристина зачем-то постучала по стеклу и, не дождавшись никакой реакции, пожалала плечами. Что ж, значит, они с братом пройдут так; билеты у них есть, и это проблема цирка, что контролера не оказалось на месте.

– Может, билеты надо засунуть сюда? – дернул ее за руку Кирюша и показал в прорезь сбоку.

Кристина хмыкнула, протолкнула билеты в отверстие и только потом спохватилась: а кто же им их вернет? Пальцы попытались было схватить за исчезающий краешек, но не успели.

Как только билеты скрылись внутри, в будке за клубился белый туман. От неожиданности Кристина даже отступила на шаг назад. Впрочем, клубы быстро рассеялись, и, когда это произошло, Кристина увидела, что в будке кто-то появился. Капельдинером оказался невысокий мужчина с раскосыми глазами и глубокими морщинами на оливковом лице. На груди, на длинном кожаном шнурке, висел пушистый хвост какого-то животного. Черные волосы с яркой проседью были заплетены в две длинные косы, перехваченные на концах замшевыми ремешками, расшитыми бирюзовым бисером, и такая же вышивка украшала края горловины замшевой бежевой рубашки. Скорее всего, он был из северных народностей, ненец, хантымансиец или, может, эскимос, но у Кристины при взгляде на него сразу же появилась ассоциация с индейцем, она легко представила его себе с раскраской на лице и в головном уборе из перьев.

Лицо «индейца» оставалось совершенно неподвижным, было даже неясно, заметил ли он вообще Кристину. Однако яркие черные глаза за приспущенными веками смотрели остро и пронзительно.

В прорези появились билеты. Кристина вытянула их, взглянула на «индейца» и, не дождавшись никакой реакции, фыркнула.

– А как же «Желаю хорошо провести время» или хотя бы улыбка? Да уж, сервис просто на недостижимой высоте! – пробурчала она себе под нос.

Кирюша снова нетерпеливо дернул за руку, но Кристина почему-то медлила. Какое-то очень странное, необъяснимое, шестое или какое-то еще по счету чувство тянуло ее назад, нашептывало бежать отсюда прочь.

Искушение развернуться и уйти было очень велико! Но Кирюша продолжал тянуть за руку, и Кристина сдалась. Нет никакого рационального объяснения ее внезапному страху, а раз так, значит нет никаких причин уходить. И вообще, что-то она в последнее время стала слишком уж впечатлительной и пугливой. С этим надо бороться, и лучший способ – делать то, чего по необъяснимой причине боишься.

Кристина нерешительно оглянулась на будку капельдинера – и увидела, что та опять опустела. Куда делся «индеец»? Он точно не выходил, но и внутри ему не спрятаться, там же совсем нет места! Спрятался? Кристина присмотрелась: нет, в стеклах отражались только огни аттракционов, гирлянды флажков и они с Кирюшей. Вот только... рядом с братом в стекле стояла вовсе не она, а та, другая Кристина! И улыбалась, глядя Кристине прямо в глаза – победно и торжествующе.

Ужас прошел позвоночник с такой силой, что на мгновение отказали ноги.

– Ну Кристи-ин! – протянул Кирюша, разбивая панцирь страха. – Ну идем уже!

– Да, да, идем, – онемевшими губами ответила Кристина, не в силах сдвинуться с места или оторвать взгляд от аккуратно причесанной «розовой» Кристины в стекле.

А та ухмыльнулась, отсалютовала и исчезла, оставив вместо себя отражение нетерпеливо подпрыгивающего Кирюши, огней аттракционов и самой Кристины – растрепанной и заметно побледневшей.

Кристина повернулась к будке спиной, отсекая всякую возможность увидеть где-либо пугающее отражение той, другой, и решительно направилась к откинутому пологу шатра, за которым уже нетерпеливо гудели зрители.

* * *

Кажется, даже самые первые представления, когда Фьор только-только начинал выступать в цирке, не пугали его так, как то, которое предстояло дать сейчас.

Огонь так и не вернулся. Но и не выйти на арену и не выступить было невозможно. То есть, конечно, можно, однако никто из артистов «Колизона» в своем уме не решался добровольно пропустить свое выступление, ведь никто не знал, как быстро придется за это расплачиваться и насколько высокой ценой. Одно пропущенное представление? Два? Три? На себе проверять никто не хотел. Умри, но выступи. Исчерпай себя до дна, до полного опустошения, но зритель должен остаться доволен.

– Ты как? – участливо осведомилась Джада; блестящий комбинезон обтягивал гибкую гимнастку, словно перчатка, волосы собраны в тугий пучок на затылке, грим с агрессивными красными тенями над выразительными русалочьими глазами и яркой одинокой стразой на лбу, как всегда, безупречен.

Фьор стиснул зубы; слухи по цирку расползлись мгновенно. Впрочем, этому не стоило удивляться; в таком маленьком, тесном коллективе ты обречен на отсутствие тайн и секретов.

– Нормально, – ответил он, с неудовольствием замечая, что руки, держащие пои и трубки с фитилями для номера, слегка дрожат.

– Огонь вернулся? – обрадовалась Джада.

– Нет.

Лицо гимнастки вытянулось, в русалочьих глазах заплескалась тревога.

– И что ты собираешься делать? Откажешься от выступления?

– Ты в своем уме?!

– Но у тебя нет огня.

Фьор поморщился. Можно подумать, он нуждался в очередном напоминании об очевидном! Он и так не прекращал об этом думать ни на минуту!

– Придется обойтись своими силами, – сдержанно ответил он и криво усмехнулся. – В конце концов, делают же это как-то обычные фаерщики.

– Да, но они не делают то, что в конце делаешь ты.

– Я знаю.

– Пропустишь последний трюк?

– Не могу. Ты же знаешь, именно он пробивает самых упорных, а если до них не достучаться, то...

Фьор не договорил, закончив фразу неопределенным жестом, который, впрочем, Джада прекрасно поняла.

– Но как же ты его сделаешь? Без своего огня?

Фьор пожал плечами. Он справится. Должен справиться! У него просто нет иного выбора.

Джада подошла к фаерщику, поднялась на цыпочки и неожиданно поцеловала в щеку. Этот жест ободрения был бы приятен, если бы не сожаление в глазах девушки.

«Да она же со мной прощается!» – сообразил Фьор и почувствовал, как в нем закипают раздражение и злость. Не на Джаду и не на то, что она уже списала его со счетов, а на рок, судьбу, высшие силы или как там называется тот, кто играет с людьми, словно с фишками, и выкидывает некоторых с игрового поля жизни. Как будто одного того факта, что он оказался в «Колизии», недостаточно! Но нет, судьбе нужно еще больше ухудшить ситуацию, хотя, казалось бы, куда уж хуже?

Впрочем, конкретно тут судьба ни при чем; огня Фьор лишил себя сам. И теперь за это предстояло расплачиваться.

* * *

К полному восторгу Кирюши, места оказались очень близко к арене, но Кристина едва не застонала, когда, к своему ужасу, увидела, что на первом ряду, всего через три ряда от них, сидели две Ольги!

Вот же гадюки! Так зло насмеялись над Катей за то, что она собирается в цирк, а теперь сами тут! Да только кто рискнет им это поставить на вид?

Кристина загнанно огляделась. Пересесть на другую половину зала и затеряться там не получится, все места заняты. Еще бы! Жители Верходновска не избалованы зрелищами, так что массово и с жадностью потребляют любое развлечение, которое добирается до их глубинки. А если остаться здесь, Ольги, конечно же, ее заметят – и насмешкам не будет конца. И даже если Кристина спросит, что же они сами делают в цирке, раз это столь жалкое времяпрепровождение, они лишь высокомерно вздернут брови. По неписаным законам школьных джунглей королевам всегда можно то, что нельзя остальным, и, в отличие от всех остальных, это не делает их смешными и нелепыми. Двойные стандарты? Они самые! И королевам плевать! Пусть только кто-то попробует оспорить эту непреложную истину!

Интересно, на чем держится власть таких вот Ольг? Кристина не раз задавалась этим вопросом – и не находила ответа. Наверное, исключительно на умелой игре на человеческих характерах, потому что всегда есть те, кто будет приказывать, и те, кто будет молча их слушать, терпеть и подчиняться. Даже против воли. Просто потому что.

Осознавать, что она – из второй категории, Кристине очень не нравилось. Но как бы ни было неприятно это понимание, оно, к сожалению, еще ни разу не подтолкнуло ее к реальному сопротивлению, если не считать таковым несколько грубых реплик в ответ на особо ярые выпады. А переходить в первую категорию слишком поздно. Даже если бы возможность взять власть и представилась, Кристину не прельщала мысль о том, чтобы смотреть на других сверху вниз, насмехаться над ними и доводить их до слез.

«Может, когда погаснет свет, они меня не заметят, – понадеялась Кристина. – Они же должны будут смотреть на арену, а не в зрительный зал». Утешение оказалось слабым, но оно было единственным, и за неимением альтернатив пришлось ухватиться за него.

Заставив себя не переживать о том, на что все равно никак не получится повлиять, Кристина взглянула на круглую красную арену. Хорошо, что нет песка – значит, никаких животных. Кристине никогда не нравилась идея дрессировки зверей для выступлений на публике. У людей в этом деле хотя бы был выбор, они сами решали, что хотят такую судьбу. А животные нет, за них все решают другие... Прямо как с Кристиной; за нее тоже все решали родители.

Неожиданная аналогия совершенно не порадовала.

Кто-то помахал рукой, привлекая к себе внимание. Кристина присмотрелась и увидела, что это Фил. Она с любопытством оглянулась за спину – кому он машет? – но через мгновение встретила с ним взглядом и поняла, что это он ей. Фил улыбнулся, Кристина улыбнулась в ответ, и ее словно окатило теплой волной. Похоже, этот поход в цирк – не совсем зря загубленное время; кажется, есть тут и что-то хорошее. А именно – второй прямой контакт с Филом.

– Смотри! – восторженно воскликнул Кирюша, указывая куда-то вверх. Он все так же пребывал в состоянии радостного возбуждения и буквально подпрыгивал на месте от переполнявших его эмоций.

Кристина задрала голову и увидела сложную паутину канатов, лестниц, креплений и прожекторов. Удивительно, как всю эту конструкцию возвели в шатре, да еще за такое короткое время! Что ж, похоже, их ждет не совсем кустарная самодеятельность, а что-то более-менее профессиональное.

– О, да это же Кристина! – раздался до боли знакомый голос, и Кристина внутренне напряглась.

Все, Ольги ее заметили. И намного раньше, чем она ожидала.

– Давай к нам, – неожиданно предложила Ольга-шатенка и похлопала по соседнему пустующему сиденью.

Кристина и не подумала реагировать, от предложения за версту веяло подвохом.

– Серьезно, давай! – присоединилась Ольга-блондинка. – Вместе будет веселее смотреть! Ну, давай, пересаживайся!

Ольги выглядели искренними, и это было подозрительно. Но тут Кристина подумала, что, возможно, зря она ищет подвох там, где его нет; она так привыкла защищаться и ошечиваться, что уже разучилась воспринимать какие-то вещи такими, какие они есть, и ей везде чудится злой умысел.

Кристина нерешительно поднялась.

– Ты куда? – тут же забеспокоился Кирюша.

– На первый ряд. Там мои одноклассницы.

– Пойдем! – обрадовался брат.

Но когда они пробрались через зрителей в своем ряду и подошли к Ольгам, те сразу нахмурились.

– Нет, тут только одно свободное место. Отправляй своего Форреста обратно.

– Меня зовут Кирилл, – серьезно сообщил брат, и, кажется, впервые Кристина искренне порадовалась, что у него напрочь отсутствует умение распознавать издевки.

– Да что ты говоришь? – насмешливо воскликнула Ольга-блондинка. – А мы не знали! Что ж, запомним. Ну, так что, Кристин, ты с нами?

Кристина колебалась.

– Давай, садись! Отсюда будет прекрасный вид на акробатов и гимнастов. Мы их мельком за кулисами видели, и поверь, там есть на кого посмотреть! Тем более костюмы у них почти ничего не скрывают, – захихикали Ольги, обменявшись друг с другом веселыми взглядами.

Кристина не раз слышала, как другие девчонки обсуждают симпатичных парней, но это всегда происходило без ее участия. А тут вдруг она стала частью этого разговора. Ощущение было непривычным и приятным. И тема обсуждения при этом совершенно не имела значения.

Раздумывать о том, почему вдруг Ольги решили наконец-то включить Кристину в свой круг общения, не было времени – да и не очень хотелось. Хотелось просто порадоваться тому, что травля, кажется, подходит к концу.

– Иди на свое место, – шепотом попросила Кристина брата.

– А ты?

– А я тут посижу.

Кирюша заартачился.

– Я хочу с тобой.

– Я совсем близко. Ты же видишь, это всего через три ряда.

– Я хочу с тобой, – упрямо повторил Кирюша.

Кристина почувствовала, как начинают краснеть щеки от стыда.

– Не устраивай сцену, – прошипела она. – Иди на свое место!

Кирюша продолжал стоять на месте, Кристина почувствовала отчаяние. Она знала брата, а потому прекрасно понимала, что он так и будет стоять. У Кирюши напрочь отсутствовало чувство неловкости, которое испытывают другие люди, оказываясь в нелепом положении в общественном месте. Когда обычный человек уже умирал бы со стыда, Кирюша вообще не осознавал, что на него все смотрят, обсуждают и осуждают.

– Или ты идешь на свое место, или мы сейчас вообще отсюда уходим, понял? – прошипела Кристина.

Впрочем, она прекрасно понимала, что угрозу свою она выполнить не сможет, потому что тогда ее дома будет ждать нагоняй. Но если она сейчас вернется с братом обратно на их места, то навсегда упустит шанс изменить наконец свою жизнь к лучшему, и вместо того, чтобы провести следующий год в школе в новом, нормальном статусе, она так и останется изгоем и мишенью для насмешек Ольг. И все из-за Кирюши! Опять из-за него! У нее вообще вся жизнь из-за него идет не так; в семье все было нормально, пока не появился он! И именно с той поры, как родился брат, все пошло под откос: отец стал все больше пропадать на работе и все чаще выпивать, мать начала брать вторую смену в больнице, потому что денег не хватало, а Кристина потеряла сначала свою комнату, потом внимание родителей, а потом и плавание. А главный виновник всех ее несчастий стоял сейчас перед ней, смотрел этим своим безразличным взглядом и даже не понимал, что в очередной раз разрушает ее жизнь.

Накатила волна удушающей злобы.

– Слушай, ты, мелкий придурок, – Кристина больно схватила Кирюшу за руку, – я не позволю тебе в очередной раз испортить мне жизнь, ты понял? Сейчас идешь на свое место, садишься там и смирно сидишь до конца представления.

– Я порчу тебе жизнь? – спросил Кирюша и моргнул.

– А для тебя это открытие? Да, ты портишь мне жизнь! Постоянно! Лучше бы тебя вообще не было! Я, может, уже стала бы олимпийской чемпионкой, если бы не ты!

Это было неправдой. Когда в их городе закрылся единственный бассейн, а с ним и секция синхронного плавания, тренер рекомендовала всем перспективным и талантливым девочкам хорошие спортивные клубы в других городах и даже связывалась с тамошним руководством и помогала организовать переезд. Предложила она это и Кристине и даже предварительно договорилась насчет нее с известным тренером в очень серьезном спортивном центре в Подмосковье. Тренер приходила домой, разговаривала с родителями, убеждала, что у Кристины есть серьезные перспективы и что она может добиться настоящих высот, а медали чемпионатов мира стоят неудобств и жертв. Мама с папой выслушали и твердо заявили, что ни о каком переезде не может быть и речи. Они не потянут жизнь в Подмосковье, и вообще у них тут свое дело, свой дом – и Кирюша. Мнение Кристины никто не спросил.

Тренер не скрывала разочарования. Позже она еще говорила с Кристиной, предлагала подыскать спортивные интернаты с проживанием, но Кристина отказалась. На самом деле в глубине души она с облегчением приняла новость о закрытии секции, потому что в последнее время ходила туда без желания и все отчетливее понимала, что не готова к тем жертвам, которых требует спорт высоких достижений, и не хочет продолжать дальше.

Несмотря на это, на родителей Кристина все равно затаила глубокую обиду, ведь она отчетливо поняла, что ради нее на такие жертвы те не пойдут. Зато спокойно принесут ее блестящее спортивное будущее в жертву Кирюше. И уже не имело никакого значения, что на самом деле Кристина сама больше не хотела заниматься плаванием; в голове все равно отложилось, что это из-за брата она упустила блестящие высоты в спорте.

Кирюша внезапно развернулся и послушно пошел на свое место в четвертом ряду. Кристина смотрела ему вслед со смесью облегчения и вины.

Облегчения было больше.

Удостоверившись, что Кирюша сел, Кристина повернулась к Ольгам, наблюдавшим за развернувшейся перед ними сценой со смесью любопытства и насмешки.

Свет начал гаснуть, шум в зрительском зале стал стихать. Кристина уселась на свободное место рядом с Ольгами и обернулась, чтобы проверить, как там Кирюша. Он сидел на своем месте, но смотрел не на сцену, а прямо перед собой пустым взглядом.

– Да что ты дергаешься? Никуда твой Форрест не денется, – заметила сидевшая к ней ближе Ольга-блондинка.

«Форрест» Кристину неожиданно покоробил. Ей даже захотелось заступиться за брата – совсем несвойственный ей порыв, но, разумеется, она не стала портить намечающееся улучшение своего положения в классе таким комментарием.

– Видела, как тебе помахал Фил, – ошарашила Кристину неожиданным замечанием Ольга-шатенка. – Вы что, с ним общаетесь?

Обманчиво невинный тон Кристину не обманул, она чувствовала в словах Ольги ревность и личный интерес. То, что она с Филом не встречается, вовсе не означает, что она не испытывает чувства собственности и не вонзит свои змеиные зубы в любого, кто покажется ей помехой. Да и Ольга-блондинка тоже наострила уши; скорее всего, Фил ей тоже нравится. Вот было бы забавно, если Ольги перегрызлись из-за него между собой!

– А что, Фил тоже тут? – попыталась изобразить искреннее недоумение Кристина.

Даже если Ольга и не поверила, то она не успела ничего сказать; огни под куполом шатра погасли, стало темно, а затем в центре арены появилось яркое пятно света. В кругу прожектора стоял тот самый белый клоун, чье изображение Кристина видела на автобусе. В полной тишине, прерываемой лишь сдавленным смешком и тихим покашливанием, он обвел взглядом полный зрительный зал и громко объявил:

– Представление начинается!

А потом покачал головой и добавил – тихо и будто даже с каким-то разочарованием и укором:

– «Колизион»...

И из-под потолка вниз полетел снег.

Представление началось.

Глава 4

Несмотря на свой скептический настрой, к антракту Кристина была вынуждена признать, что представление этого странствующего цирка оказалось весьма впечатляющим, а от некоторых номеров и вовсе захватывало дух. Но в то же время ее не оставляла одна мысль: ей так кажется лишь потому, что, живя в своей дыре, она просто никогда не видела ничего лучше и вполне рядовая вещь выглядит для нее необычной. Будь она искушенной столичной жительницей, наверное, представление показалось бы ей заурядным и посредственным. И эта мысль сразу портила все впечатление.

Кристина провела рукой по волосам и нащупала запутавшийся в прядях квадратик почти прозрачной тонкой белой бумаги – тот самый снег, который пошел в самом начале представления из-под купола шатра. Вау-эффект хода со снегопадом усилили приглушенный холодный свет, умело подобранная музыка и невидимый вентилятор, создававший впечатление ветра, отчего казалось, что внутри шатра поднялась самая настоящая метель. А на сцене тем временем появился игрушечный поезд, в кругу рельсовых путей которого все так же стоял и казался ужасно одиноким тот самый белый клоун с таким неклоунским гримом на лице. Игрушечный паровоз издавал гудки, вокруг него кружила бумажная метель, и от этого почему-то тоскливо сжималось сердце. Совсем не то чувство, которое ожидаешь получить в цирке, не так ли? И уж тем более от клоуна. Клоун должен смешить.

В приступе так часто накатывавшего на нее раздражения Кристина скомкала маленькую папиросную бумажку и бросила ее на пол. Вот он, прекрасный пример того, насколько она не искушена – ее впечатлило простое бумажное конфетти, посыпавшееся им на головы!

Зрители поднялись со своих мест и пошли к выходу; снаружи уже тянуло запахом попкорна, и снова звучала сводящая скулы тягучая и потому жутковатенькая механическая музыка каруселей.

Кристина обернулась проверить, как там брат. Кирюша сидел на месте, уставившись перед собой пустым взглядом. Он вообще видел представление?

– Эй, – позвала она, – попкорн хочешь?

Кирюша не ответил.

– Может, сладкой ваты? – спросила Кристина, увидев, как в шатер вбежал счастливый малыш с двухцветным розово-голубым сладким облаком на палочке.

Брат снова не отреагировал.

«Это все потому, что я сказала, что он портит мне жизнь и лучше бы его не было», – подумала Кристина.

Да, Кирюша был особенным, он не умел делать какие-то простейшие вещи и не понимал каких-то элементарных вещей. Но дураком он не был. Мало что выводило его из себя, во многом потому, что чаще всего он просто не считывал скрытого смысла и не улавливал завуалированных оскорблений. Но уж если что-то задевало или обижало, то переживал он даже сильнее других.

«Ну а что я такого сказала? Это же правда, он портит жизнь и мне, и родителям. Пусть знает, не вечно же ему жить в защитном коконе! – спорила Кристина сама с собой. – Хотя... он же не виноват, что родился таким. Это же не то, как если бы он специально делал что-то такое, чтобы испортить мне жизнь».

Кристина уже почти решила подсесть к Кирюше и извиниться и даже было поднялась, но тут ее остановил голос Ольги-блондинки:

– Ну, давай рассказывай, подруга, что там у тебя с Филом.

«Подруга?» – отметила Кристина, а вслух ответила, пожав плечами:

– Ничего. Проходим мимо друг друга в коридорах, вот и все.

– Но он помахал тебе рукой, – заметила Ольга-шатенка.

– И ты лайкнула его последний пост, – добавила Ольга-блондинка.

– Да? – делано небрежно отозвалась Кристина, с неудовольствием ощущая, как к щекам подступает жар. Будет очень обидно так глупо выдать себя! – Ну, я много кого лайкаю, всех и не припомню.

– Ну-ну, – протянула Ольга-шатенка, явно не поверив.

– Мы тут собираемся после представления посидеть и поболтать в кафешке. Хочешь с нами? – предложила Ольга-блондинка.

Кристина настолько не ожидала ничего подобного, что даже онемела. Конечно, она хочет! Это же, по сути, предложение если и не дружбы, то как минимум перемирия! А большего ей и не надо!

– Фил, кстати, тоже придет, – заметила Ольга-шатенка. – Будет прекрасная возможность пообщаться с ним в неформальной обстановке и перейти от «ничего» к «чему-то». Ты же этого хочешь?

Несмотря на эйфорию от полученного приглашения, Кристина все же распознала опасность в последнем вопросе. Ее проверяют.

– Да мне все равно, – пожала плечами она, хотя мысль о том, чтобы оказаться вне школы в одной компании с Филом, заставляла сердце сжиматься в предвкушении.

Ольги переглянулись. Кажется, они ей не верили. Но продолжать их разубеждать Кристина не стала; чем сильнее стараешься оправдаться, тем больше укрепляешь собеседника в мысли, что ты виноват.

– Значит, договорились? – настойчиво уточнила Ольга-шатенка.

– Договорились, – обрадованно подтвердила Кристина. – Только мне сначала надо брата отвести домой, – добавила она, с досадой вспомнив о Кирюше.

– Неужели он настолько идиот, что сам не дойдет до дома? – недовольно поморщилась Ольга-шатенка.

– Он даже шнурки сам завязать не может, – с глухим раздражением ответила Кристина. – Какое уж «сам домой»!

– Ну, смотри, – недовольно протянула Ольга-блондинка. – У нас большие планы на вечер! Будет обидно, если ты пропустишь все самое интересное. Тем более Фил обрадовался, когда мы сказали, что ты тоже придешь.

– Я постараюсь быстро, – ответила Кристина.

К радостному предвкушению вечера примешалась изрядная доля хорошо знакомого раздражения и досады. Стоило только в ее жизни появиться хоть намек на что-то хорошее, и снова все портил Кирюша! Не было бы его, и она бы сразу после представления пошла с Ольгами! А тут...

Свет начал гаснуть, давая сигнал о том, что начинается вторая часть шоу. Но Кристине больше не было дела до представления; все очарование, которое она поначалу видела, исчезло вместе со скомканной бумажной снежинкой, брошенной под ноги, а раздражение на брата, на то, что он снова портит ей жизнь, заняло все ее мысли, и номера на арене проходили будто мимо ее сознания. Артисты цирка крутили десятки обручей одновременно, танцевали на ходулях, демонстрировали чудеса гибкости, парили на трапециях под куполом, смешили зрителей, но погруженная в мрачные мысли Кристина ничего этого не замечала и отделивалась лишь коротким «угу», когда Ольги отпускали комментарии по поводу симпатичных атлетов и гимнастов.

Но некоторые номера пробились даже сквозь отрешенность Кристины. Например, было сложно оставаться безразличной к воздушному гимнасту с черными крыльями за спиной, который взмывал на шелковых полотнах под самый купол, а затем камнем падал вниз, словно черный ангел, сброшенный с небес, и резким рывком останавливался буквально в сантиметрах от земли.

Невозможно было сохранить равнодушие и когда на арене появился самый настоящий ягуар, а никаких сеток и ограждений для зрителей по краям арены не поставили. Более того, и дрессировщика не было! Грациозный и смертельно опасный зверь не рычал на публику и не делал попыток на нее наброситься; наоборот, казалось, он ее просто не замечал – и при этом явно исполнял номер: его прыжки, кувырки и перевороты, совершенно очевидно, были отрепетированы.

Заставил вздрогнуть от неподдельного испуга номер метателя ножей. Невысокий темно-волосый мужчина небрежно и не глядя бросал через плечо острые кинжалы в девушку с розовыми волосами, танцующую на небольшой вращающейся платформе. Кристине упорно казалось, что это не метатель ножей старается не попасть в свою ассистентку, а девушка пытается в танце ускользнуть от ножей, которые метатель отправляет прямо в нее. Клинки свистели в воздухе, летели прямо в изящную танцовщицу, зрители ахали и вскрикивали, а розоволосая девушка в самый последний миг ускользала, и острое втыкалось в деревянный щит позади. Но один нож ее все-таки задел. Девушка ничем не выдала боли и как ни в чем не бывало продолжила сложный танец, только вниз по руке побежали ручейки крови, и с кончиков пальцев срывались и падали на арену тяжелые капли.

И наконец, не прошел мимо Кристины и номер того самого «гавайца», которого она видела возле циркового автокаравана, а еще раньше – на улице возле школы. Парень выступал с огнем под какой-то примитивный, языческий, но в то же время гипнотический бой барабанов, который постепенно наращивал мощь. Он виртуозно крутил горящие шесты, обручи, цепи и веера, жонглировал огненными шарами, глотал пламя и выдувал огонь, и в какой-то момент даже казалось, что на арене выступает не человек, а сам Огонь, принявший человеческую форму.

Под конец фаерщик поджег на арене огненный круг, спокойно вошел внутрь сквозь стену пламени, прочертил полосы по рукам и телу – и зал шумно выдохнул от ужаса: полосы загорелись прямо на коже! А фаерщик как ни в чем не бывало продолжал танцевать под первобытный, завораживающий стук барабанов. От этого зрелища захватывало дух, но Кристину

зацепило не столько оно, сколько взгляд фаерщика, в котором смешались твердая решимость, тщательно скрываемый страх и беспредельное отчаяние. Смесь столь же опасная, как и огонь, который он держал в руках.

Первобытный шаманский бой барабанов достиг почти непереносимого в своей напряженности пика, а затем резко оборвался. С последним звуком, растворившимся под куполом шатра, огненный круг погас, а фаерщик рухнул на арену, и Кристина не могла сказать, было ли так задумано, или же парня просто оставили силы.

Зрители в едином порыве поднялись со своих мест, чтобы поаплодировать, Кристина же не могла оторвать взгляд от красных полос ожогов на теле фаерщика. Они были не особенно заметны в полумраке, царящем на арене, да еще и на покрытой татуировками коже, и все же Кристина их видела – как видела и боль, которую пытался не показывать артист, кланяясь публике. Что-то в его представлении пошло категорически не так; артист не должен получать серьезные увечья во время своего представления!

На арене сгушался туман, циркачи готовились к финальному номеру, а Кристина следила за уходящим фаерщиком. Прежде чем за ним закрылся полог занавеса, она успела увидеть, что он едва не рухнул на землю, но его подхватили под руки и понесли прочь.

В белых клубах дыма, покрывших арену, раздался тоскливый, берущий за душу гудок поезда, а затем – мерный стук колес. Игрушечный поезд храбро ехал в густом тумане.

Внутри круга железной дороги откуда ни возьмись появилась одинокая вешалка. Еще мгновение – и рядом с ней возник белый клоун, тот самый, несмешной, который открывал представление. Тот самый, чьи глаза показались Кристине живыми на стене автобуса, а сейчас почему-то казались мертвыми.

Клоун снял с себя длинный серый плащ и повесил на вешалку. В мерный стук колес незаметно вплелась тихая, тревожная музыка. Клоун продел одну руку в рукав висящего на вешалке плаща, и вот уже казалось, что эта рука живет самостоятельной жизнью и принадлежит другому человеку. Рука осторожно обняла белого клоуна за талию. Тот вздрогнул, будто не мог поверить, что кто-то к нему прикасается, а затем нерешительно положил свободную руку на плечико вешалки. И вот уже в тумане, теперь поднявшемся до пояса, клоун танцевал с невидимкой в плаще, положив голову ему на плечо. От этой сцены веяло таким пронзительным одиночеством и такой бесконечной тоской по любви и близости, что Кристина вдруг с неудовольствием поняла: в горле образовался ком, а в глазах защипало. На короткий миг она почувствовала себя так, будто это она сейчас там, на арене, и это она танцует с плащом на вешалке, воображая на его месте близкого человека – и отчаянно желая тепла и любви.

О, как же высмеют ее за эти слезы Ольги!

Одной лишь мысли об этом было достаточно, чтобы прогнать непрошеную влагу из глаз – и начисто стереть всю магию представления. Когда Кристина снова взглянула на арену, все, что она увидела, – это несмешного белого клоуна в сером балахоне, который, стоя по колено в уже опадающих клубах искусственного тумана, медленно качался под музыку с вешалкой, на которой висел длинный плащ.

В свист игрушечного поезда и стук колес вкрадчиво вплелась тихая, тревожная музыка – и все больше нарастала. Нарастала не громкостью, а какой-то непонятной энергией, от которой, казалось, начинал вибрировать воздух. Из-под купола шатра на зрительный зал стал стремительно спускаться туман, и вот уже все вокруг было в белых клубах дыма, пахнущего сосновой смолой, тоской и костром.

Белый клоун все танцевал и танцевал со своим невидимым партнером, и эта сцена начала снова завораживать – почти против воли. Но на сей раз Кристина ей не поддалась; она сознательно сделала усилие, чтобы вырваться из незаметно затягивающих ее сетей номера. Задрала голову, чтобы разглядеть установки, которые делают туман, но ничего не увидела. Принялась рассматривать прожекторы и отмечать цветные полосы света, исходящие от каждого. Потом

обратила внимание на то, как сильно поцарапаны носки огромных черно-белых туфель белого клоуна; н-да, похоже, дело-то у них в цирке совсем дрянь, костюмчик давно не обновляли.

Поезд издал последний пронзительный гудок, музыка резко оборвалась, погасли все прожекторы, кроме одного, выхватывающего грустную фигуру белого клоуна с вешалкой в обнимку. В полной тишине он снова оглядел зал, и на миг Кристине показалось, что клоун посмотрел прямо на нее. В его глазах смешались усталость, отчаяние, призыв и укор; этот взгляд словно пытался донести Кристине что-то очень важное – и в то же время признавал, что потерпел поражение.

Белый грим, ровным слоем покрывавший лицо клоуна, вдруг стал трескаться, словно старая штукатурка, и, крошась, падать на землю. Под облетевшими кусками грима показывалась ржавая кожа. Кристина вцепилась пальцами в края пластикового сиденья; зрелище осыпающегося кусками лица было невыносимо жутким, и она не понимала, почему никто вокруг не реагирует – не вскрикивает, не закрывает лицо, не вскакивает со своих мест.

– «Колизион», – с неприкрытой горечью сказал некогда белый клоун, чье лицо сейчас было похоже одну большую рану с ржавчиной вместо крови, – и исчез. Никаких игр со светом или туманом, никаких предметов, которыми пользуются фокусники для создания иллюзии исчезновения. Просто только что был в центре цирковой арены – и вот уже его нет, а на его месте в воздух поднимались, кружась и переливаясь, струи серебристых искр и растворялись в темноте под куполом.

Зрители разразились бурными аплодисментами. Кристина присоединилась, испытывая при этом непередаваемое облегчение, что все закончилось и больше не надо смотреть на трескающееся лицо, и необъяснимое чувство вины, как будто она только что кого-то очень подвела. Вот только она не знала, кого подвела и что именно сделала. Или не сделала...

Туман рассеялся, загорелся свет. Зрители недоуменно оглядывались; они ожидали какого-то завершения, веселой музыки и выхода всей труппы на поклон – разве не так должны заканчиваться цирковые, да и любые другие представления?

Но никто из циркачей не выходил и не было слышно никакой музыки. Арена оставалась пустой, и только в центре ее лежала вешалка с серым пальто, напоминая скомканную, измятую фигуру человека. Безжизненную фигуру.

Зрители растерянно потоптались – и потянулись к выходу. Все почему-то избегали смотреть на арену и на лежащее в центре пальто, и Кристина тоже. Она не могла отделаться от странного, нелепого ощущения, будто только что на их глазах погиб человек, и они все к этому как-то причастны.

* * *

Фьора положили прямо на пол, на наспех брошенные покрывала, и бестолково топтались рядом, пока Графиня, все еще в своем сценическом образе – в роскошном черном кружевном платье с капюшоном и с обилием серебряных украшений, невозмутимо и уверенно, как она делала вообще все что угодно, от предсказания судьбы в своем шатре до смены пробитого колеса автомобиля, раздавала распоряжения:

– Холодную воду. Бинты. Чистое полотенце. Быстро.

Негромкие приказы мигом разогнали собравшихся циркачей; было в Графине что-то такое, что почти против воли заставляло других подчиняться. Именно из-за этой ее неуловимой, но ощутимой силы у всех создавалось впечатление, что она старше, чем есть на самом деле, хотя Графине было всего-то двадцать с небольшим.

Громкий звук пощечины заставил Графиню на миг отвлечься от раненого, и она бросила взгляд на Кабара, а потом на ручейки крови, текущие по руке Рионы. Ни тот, ни другая этого не заметили: Кабар был слишком увлечен тем, что громко отчитывал свою ассистентку, а она –

тем, что встречала его ярость. Никто из циркачей не вмешивался; они толпились возле Фьора и делали вид, что не замечают происходящего. Скандалы между напарниками считались таким же личным делом, как ссоры между супругами, – влезать себе дороже.

– Идиотка! – заорал невысокий черноволосый метатель ножей прямо в лицо девушке, совершенно не беспокоясь о том, что устраивает отвратительную сцену, которую к тому же все видят. – Ты что, быстрее шевелиться не можешь? Ты должна была быть левее!

– Я делала все точно по схеме, ни одной ошибки в движениях, ты, неуклюжий медведь! – выплюнула Риона, держась за щеку. Рана на руке затягивалась, края кровавых ручейков застыли коричневой корочкой и стягивали кожу. – Для разнообразия в следующий раз попробуй смотреть, куда бросаешь нож!

– Для разнообразия попробуй делать то, что от тебя требуется: настроиться на меня. Это твоя единственная обязанность как моей ассистентки! Единственная! Ты должна меня чувствовать! Должна знать, куда летит мой нож!

– Это двустороннее движение. Чтобы я чувствовала тебя и твои ножи, ты должен чувствовать, где я... Чуть правее, и ты мог бы меня убить!

– Невелика потеря! Корова неповоротливая!

– Да что ты говоришь? Типа без меня ты тут надолго задержишься?

– Эй, – не удержавшись, вмешался рослый широкоплечий Вит с татуировкой на выбритой голове. – Полегче!

Риона одарила непрошеного заступника недовольным взглядом и прошипела:

– Тебя тут еще только не хватало...

Но ее слова остались неслышанными, потому что немедленно вскинулся Кабар:

– Не лезь! Будет своя партнерша – делай с ней что хочешь. Хотя какая тебе напарница? Лампочка – твоя партнерша, – хохотнул он и снова повернулся к Рионе. – А ты! Твоя неуклюжесть могла привести к моему удалению! Да и твоему тоже, мы же с тобой в одной связке. Хорошо еще, что никто из зрителей не заметил, как тебя поцарапало, а то нам конец. Нам обоим.

– Да пошел ты, – процедила Риона, резко, так, что взметнулись пряди розовых волос, развернулась и пошла прочь, держась за щеку. Вит качнулся было, словно хотел пойти за ней следом, но так и остался на месте, остановленный предупреждающим взглядом, который она бросила на него через плечо. Остальные расступались, молча освобождая Рионе дорогу и отводя взгляды в сторону.

Принесли мокрые компрессы, Графиня приложила их к ожогам, и Фьор вскрикнул.

Кабар посмотрел на фаерщика сверху вниз и пренебрежительно фыркнул:

– Идиот. Поджечь самого себя? Это ж надо до такого додуматься!

– Выбор у него был не радужный. Или поджечь себя – или удалиться. Он выбрал первое. Ты бы поступил иначе? – спросила Графиня.

– Начнем с того, что я бы никогда не потерял свой главный навык.

– Да у тебя с ним и так неважно, – прямо сказала ему Графиня. Большинство боялись говорить неприятные вещи Кабару в лицо, опасаясь его взрывного нрава. Но только не Графиня. – Ты сегодня запросто мог удалиться; я видела ваш сектор, вы до многих не достучались после того, как ты ранил Риону.

– Я ранил? – взвился метатель ножей. – Она сама виновата!

– Ну да, это все она, а ты весь такой непогрешимый и в белом, – насмешливо протянула Графиня и, прежде чем Кабар успел возразить, продолжила: – Но если бы ты не был таким самовлюбленным индюком, ты бы понимал, что на самом деле она очень хороша!

– Очень хороша! – презрительно скривился Кабар. – Ты ее видела?

– Видела. Потому и говорю. В других руках ей бы цены не было.

– Наめкаешь, что недостаточно хорош? – ошетинился метатель ножей.

– Нет, не намекаю, – спокойно ответила Графиня и заботливо промокнула взмокший от боли лоб Фьора. – Говорю прямым текстом. Вы должны работать в паре, именно так у вас получится достигнуть лучших результатов. Но ты на это неспособен.

– Я? Неспособен работать в паре? – все больше разъярялся Кабар. – И кто мне это говорит? Гадалка-шарлатанка, слишком старая, чтобы делать что-то более стоящее, чем смотреть в хрустальный шар?

Серо-голубые глаза Графини угрожающе сверкнули.

– Сбавь обороты, Кабар, – приказала она; голос был тихим, но именно от этого почему-то казался особенно зловещим. – Настойчиво советую быть тебе повежливее, причем не только со мной, но и с Рионой, если не хочешь лично познакомиться с кое-какими обитателями глубинных слоев сна. Я тебе это запросто устрою.

Свои слова Графиня подкрепила коротким взмахом руки, и серебряное кольцо на пальце на миг вспыхнуло – и тут же погасло, оставив после себя легкий черный дымок в воздухе. И Кабар отступил. Правду говорила Графиня или вводила в заблуждение, как доверчивых, готовых к чуду зрителей, создавая им что в своем шатре, что на арене иллюзию волшебства и предсказывая судьбу, он проверять не собирался. В цирке происходило достаточно необъяснимых даже для самих циркачей вещей, так что всегда стоило допускать даже самое невероятное.

Из-под плотных полосатых кулис просачивались тонкие струйки тумана и доносился тревожный гудок поезда; там, на арене, заканчивал свое выступление Сол – и этим завершал каждое шоу. Так сказать, наносил последний удар по самым стойким и безнадежным, до которых не сумели достучаться остальные.

Фьор со стоном попытался сесть – и тут же откинулся назад, закусив губу.

– Найдите что-нибудь, что можно использовать как носилки, – распорядилась Графиня и удивленно подняла голову, когда поняла, что никто не бросился исполнять приказ.

Циркачи столпились у кулис и смотрели сквозь щелки на арену.

– Что случилось? – требовательно осведомилась Графиня.

Повернулась одна из девушек-эквилибристок; на покрытом золотой краской лице застыл ужас.

– Удаление, – дрожащим голосом ответила она.

– Кто? – спросила Графиня, смертельно побледнев. Она уже знала ответ.

– Сол.

* * *

Кирюши на своем месте не оказалось, и Кристина почувствовала укол тревоги. Обычно брата можно было оставить на одном месте, сказать ему никуда не уходить – и быть уверенной, что, даже если вернешься через два часа, он будет послушно там ждать, неподвижный, словно садовый гномик, воткнутый в землю. Но иногда ему могло что-то взбрести в голову, и он мог запросто уйти из дома, никому ничего не сказав, а мать сходила с ума, разыскивая его по всем близлежащим дворам.

Похоже, Кирюша снова решил выкинуть такой номер.

«Ну почему, почему из всех дней именно сегодня?» – со злостью думала Кристина.

Ольги уже добавили ее в групповой чат и скинули адрес, куда пойдут после кафе. Все, что хотела Кристина, – это как можно скорее отвести брата домой и скинуть эту обузу на руки маме, а потом наконец-то первый раз в жизни пойти посидеть в компании одноклассников! И вот пожалуйста, даже тут этот мелкий идиот снова ей все портит!

– Ты чего мечешься? – насмешливо спросила Ольга-блондинка.

– Брат куда-то подевался, – пробормотала не на шутку встревоженная Кристина.

– Значит, не придешь к нам? – как-то слишком нарочито опечалилась Ольга-шатенка.

– Приду, – заверила Кристина. – Он, наверное, домой пошел. Я сейчас мигом, сбегаю удостоверюсь, что он там, – и сразу к вам.

– Ну, давай. Мы тебя ждем!

Не теряя времени, Кристина заторопилась к выходу, бесцеремонно расталкивая по пути других зрителей, выходявших из шатра. На улице внимательно огляделась – вдруг Кирюша где-то здесь? Заглянула в палатку, где до представления детям разрисовывали лица; в ней было пусто.

Торопливо выходя из палатки, Кристина налетела в кого-то в толпе, автоматически извинилась и продолжила бы идти дальше, не схвати ее кто-то за руку и не спроси:

– Вы в порядке?

Нехотя глянув на собеседника, Кристина увидела черноволосого циркача с лицом, густо покрытым серебром.

– Да, спасибо, – бросила она, почти машинально пытаясь сообразить, в каком номере он был задействован. В отличие от ярких костюмов остальных, на этом артисте были лишь свободные черные штаны-трико и самая обычная куртка, накинутая на голое тело. Неужели тот самый «черный ангел», летавший на воздушных полотнах?

– Кого-то потеряли? – продолжил расспросы воздушный гимнаст.

– Брата, – рассеянно ответила Кристина. Мельком подсадовала, что упускает отличную возможность поболтать с так впечатлившим ее артистом – и снова из-за Кирюши! – но все же не стала дожидаться ответа, высвободилась из вежливой хватки и торопливо пошла дальше, разглядывая толпу. В ней так легко затеряться! Особенно маленькому мальчику. Очень хотелось закричать: «Кирюша!» – в надежде, что брат отзовется, но Кристине было неловко устраивать сцену, ведь она непременно окажется в центре внимания.

Встав в сторонке, Кристина снова внимательно оглядела расходящихся зрителей и, убедившись, что Кирюши среди них не видно, решила идти домой. Если он уже там, ох она ему устроит! И не посмотрит, что он весь такой особенный и не всегда понимает, что творит. Да, может, чего-то он и не понимает, но, может, это просто потому, что никто ни разу не пытался хорошенько вправить ему мозги, а только сюсюкают с ним. Вот наорет она на него разок, и, глядишь, запомнит на будущее, что нельзя так пугать близких и уходить, никого не предупредив.

По пути домой Кристина репетировала все, что выскажет своему братцу. Мысль о том, что его может не оказаться дома, она гнала прочь, но та упорно возвращалась. Какой скандал устроит мама, когда узнает, что Кристина потеряла Кирюшу, просто страшно представить!

Коротко звякнул телефон, Кристина увидела, что в групповом чате появилось новое сообщение: фотография двух Олыг, сидящих в кафе в тесной компании. Некоторые лица были Кристине знакомы, а некоторых она никогда не видела. И самое главное, Фил тоже был там. «Не хватает только тебя, Кристи», – появилось новое сообщение.

Кристи. Такое непривычное обращение. Так ее могли бы называть друзья – если бы они у нее были.

Радость смешалась с новой порцией злости на брата. Если бы не он, она бы уже сидела вместе с остальными и наконец узнала бы, каково это – жить нормальной жизнью, когда над тобой никто не издевается, тебя никто не подкалывает, не игнорирует и не травит.

Впереди показалась знакомая обшарпанная пятиэтажка с разномастно застекленными балконами, точащими тут и там телевизионными тарелками и коробками кондиционеров. В этот час почти во всех окнах горел свет, и, как всегда, когда Кристина смотрела на них, появлялась непрощенная мысль о том, что за каждым таким окном – своя собственная жизнь и целый мир, и в душе неизменно пробуждалось противное, пронзительное и сосущее чувство. От него становилось так муторно, что Кристина каждый раз обещала себе не заглядывать в чужие окна, но раз за разом продолжала это делать.

А вот в окна своей квартиры хотелось заглянуть как можно скорее, благо она была на первом этаже, и скорее убедиться, что Кирюша уже дома. Кристина невольно ускорила шаги. Сердце нервно билось, ладони похолодели. Что, если брат не пришел? Где его тогда искать?

Добежав до окон своей квартиры, Кристина замедлила шаг, мельком отметила, что в спальне темно, но на кухне свет горит. Подошла поближе к окну, привстала на цыпочки и заглянула. И шумно выдохнула: за столом сидел Кирюша и размеренно черпал ложкой суп из тарелки. Около раковины, спиной к окну, стояла мать.

Накатившее облегчение вытеснило злость на брата. Хотелось влететь на кухню, дать ему подзатыльник и хорошенько наорать!

Несколько мгновений Кристина разрывалась между желанием так и сделать и нежеланием терять лишнее время и поскорее отправиться на встречу с Ольгами. Последнее перевесило. Наорать на брата она всегда может, он никуда не денется, а вот вечеринка – другое дело.

Тем не менее надо было предупредить домашних, что она задержится. Заходить домой Кристина не хотела, тогда не избежать долгих нравоучений, и достала телефон. Набрала короткое сообщение маме – и едва не выронила телефон из рук, потому что в этот самый момент на кухню зашла та, другая Кристина.

* * *

Собирались в полном молчании, избегая встречаться друг с другом взглядом, словно каждый чувствовал за собой вину.

Собрались в пустом шатре, из которого уже вынесли почти все оборудование, и потерянно стояли там, глядя на валяющийся на земле серый плащ и игрушечный поезд, который все продолжал деловито пытеть и гудеть, описывая круг за кругом по арене, и ни у кого не хватало духу его остановить.

Собрались, чтобы проводить и проститься, – хотя провожать было уже некого и прощаться не с кем.

Собрались, чтобы снова остро осознать: это может случиться с каждым.

Собрались, чтобы запомнить.

Эту застывшую, надрывную, траурную тишину сломал Ка-бар.

– Да уж, как говорится, цирк уехал, а клоун остался, – мрачно усмехнулся он – и сник под укоризненными взглядами коллег.

Графиня перешагнула через игрушечные железнодорожные пути, присела на корточки возле брошенного плаща, осторожно, бережно дотронулась до мятой ткани, погладила – и прошептала:

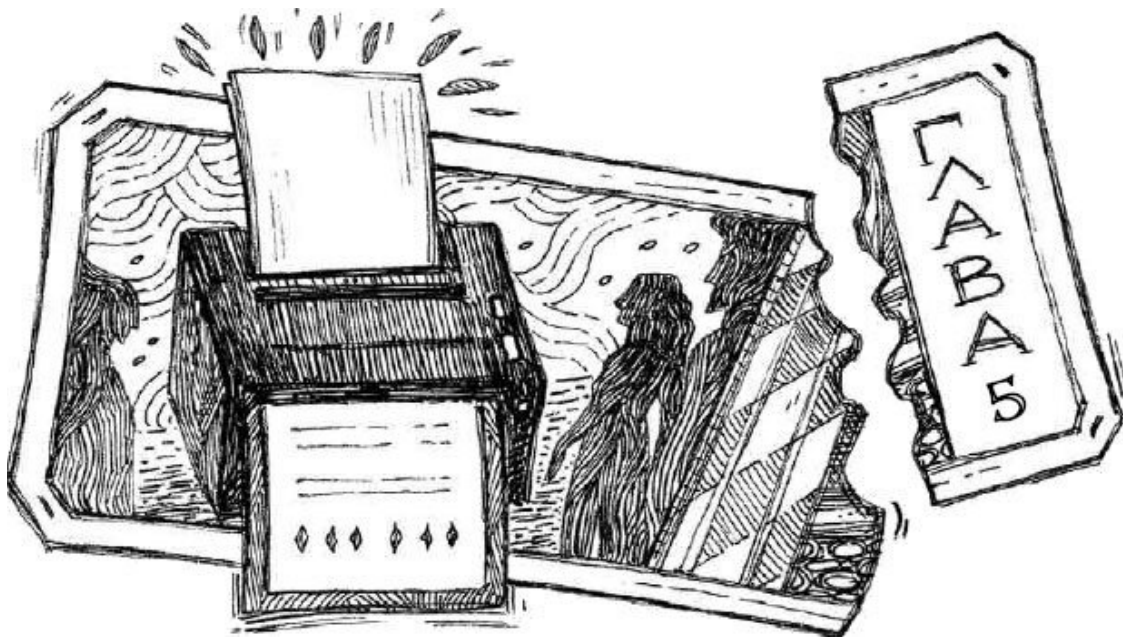
– Вот и мы... Пока мы вслух ворчали:
«Вышел на арену, так смейся!» —
Он у нас тем временем печали
Вынимал тихонько из души¹.

А потом она нажала на пульт управления, который держала в руке, и игрушечный поезд, издав последний протяжный гудок, замер.

¹ В. Высоцкий. «Енгибарову – от зрителей».

Глава 5

Кристины никогда не было панических атак, и потому она просто не поняла, что с ней произошло: бешеный пульс, дикий стук сердца в ушах, колени подгибаются, легким не хватает воздуха, а перед глазами все меркнет. Привалившись боком к стене дома, она отчаянно боролась за каждый вдох, судорожно открывая рот, пока мозг наконец не зафиксировал, что воздух поступает в легкие и она может дышать, и только тогда симптомы начали медленно отступать.

«Мне определенно нужно сходить к врачу, и плевать, что будут говорить в школе, если об этом станет известно», – решила Кристина, всерьез испуганная тем, что с ней сейчас произошло. Если собственное искаженное отражение в стекле вызывает у нее настолько сильную реакцию, то это уже серьезная проблема, и ею надо заняться.

Сумев кое-как отдышаться, Кристина решилась снова заглянуть в окно – точно так же, как делала в последнее время с зеркалами, просто чтобы убедиться, что та, другая Кристина ей, конечно же, лишь померещилась.

Привстав на цыпочки, Кристина заглянула на кухню – и ноги снова подкосились. Это не отражение! Другая Кристина, в противно-розовой рубашке, с нюдовым макияжем и волосами, забранными в аккуратный хвостик, по-прежнему была на кухне! Она подошла к маме, легко ее приобняла и что-то сказала. Мама удивленно на нее посмотрела и, вытирая мокрые руки полотенцем, растерянно села за стол. А другая Кристина повязала передник и как ни в чем не бывало взялась мыть грязную посуду.

Кристина продолжала наблюдать, не в силах оторваться. Закончив с посудой, другая Кристина налила суп в тарелку и поставила ее перед мамой. Достала ложку, отрезала хлеба. Непривычная к заботе, мама растерянно смотрела на Кристину. Заметив, что Кириуша свой ужин съел, другая Кристина забрала пустую тарелку, мимоходом погладив брата по голове. Тот вздрогнул и поежился.

– Все! Хватит! – встряхнула сама себя Кристина. Сколько можно стоять и смотреть? Надо что-то делать! Надо пойти и вывести эту самозванку на чистую воду!

Решительно зайдя в подъезд, Кристина подошла к двери, пошарила в кармане – и поняла, что ключей нет. Неужели она их потеряла? Как некстати!

С досадой вздохнув, Кристина нажала на кнопку звонка – резко, нетерпеливо.

Щелчок замка, дверь открылась – и в проеме появилась другая Кристина. Не церемонясь и не говоря ни слова, Кристина попыталась ее оттолкнуть – и у нее ничего не вышло, руки словно проходили сквозь воздух. Что ж, это логично, на то она и галлюцинация, она нематериальна. Несколько этим успокоенная, Кристина попыталась войти в квартиру, но и тут у нее ничего не получилось, она не могла перешагнуть через порог, путь словно преграждал невидимый барьер.

Другая Кристина спокойно стояла в дверях.

– Что происходит? – нервно выкрикнула Кристина, испуганная тем, что не может войти. – Кто ты такая? Что тебе надо?

Другая Кристина продолжала молчать, глядя на нее с легкой усмешкой, и по спине Кристины пополз холодок страшной догадки.

– Я что, умерла? – хриплым шепотом спросила она, чувствуя, как замирает сердце в груди. – Но... когда? Как? Я не помню!

– Ты не умерла, – наконец ответила другая Кристина таким знакомым – ее собственным! – голосом.

– Тогда что со мной? Почему я не могу зайти домой?

– Потому что ты больше не принадлежишь этому месту. Ты здесь не нужна. Ты лишняя.

– Что за чушь? – нетерпеливо воскликнула Кристина и, снова безрезультатно попытавшись перешагнуть через порог, закричала: – Мам! Мама! Иди сюда!

– Она тебя не слышит, – с раздражающим спокойствием пояснила другая Кристина.

– Да что ты говоришь? – огрызнулась Кристина и снова выкрикнула: – Ма-ам!

Но мама так и не вышла.

– Не веришь? Смотри, – сказала другая Кристина и позвала: – Мам?

Мама появилась в коридоре.

– Да?

– Я подумала, может, мусор вынести?

– Мам, – вмешалась Кристина. – Мам, это что, розыгрыш какой-то? Ну прости меня, я все поняла. И да, я виновата, не углядела за Кирюшей. Только хватит уже, пожалуйста!

Мама Крестину словно не видела и не слышала.

– Мусор? – растерянно переспросила она, явно изумленная такими переменами в дочери. – Да нет, пакет еще не полный. А ты что дверь открыла?

– Мам! Мама! Мам! Ну вот же она, я! Тут! – закричала Кристина, снова пытаясь перешагнуть через порог. Мозг отказывался верить в происходящее: ну не может мама ее не видеть и не слышать!

Но факты – вещь упорная; мама совершенно не реагировала на дочь.

– Показалось, что кто-то постучал, – ответила другая Кристина, не обращая внимания на крики Кристины.

Из кухни раздался голос Кирюши, и мама ушла.

– Ну? – спросила другая Кристина. – Теперь все понятно?

– Ничего мне не понятно! Что происходит?

– Я тебе уже сказала. Ты тут лишняя, ты больше не принадлежишь этому месту, теперь оно мое.

– Что значит «твое»? Что значит «не принадлежу»? И хватит уже этого: «лишняя, лишняя»! – почти закричала Кристина, почему-то особенно испуганная этим настойчивым повторением про «лишнюю». В глубине души ей и самой порой казалось, что она никому не нужна и у нее действительно словно нет своего места в жизни, иначе почему она никуда не может вписаться. Но когда кто-то другой вдруг озвучивает твои самые глубинные страхи – это невыносимо!

В коридоре появился Кирюша, резко остановился и стал переводить взгляд с одной Кристины на другую.

Кристина почувствовала, как в душе встрепенулась надежда. Брат ее видит!

– Кирюша, – осторожно, словно боясь его спугнуть, позвала она.

– Почему тебя две? – спросил брат.

От волнения перехватило дыхание.

– Я не знаю, – с трудом произнесла Кристина. – Кирюш, позови маму, пожалуйста.

«Только бы эта лже-Кристина не захлопнула дверь у меня перед носом, только бы не захлопнула дверь!» – просила про себя Кристина.

Но другая Кристина, похоже, не собиралась вмешиваться. Казалось, что она, напротив, хочет довести сцену до конца, и ее торжествующий вид наводил на мрачные мысли о том, что ничем хорошим все это для Кристины не закончится.

В коридоре снова появилась мама.

– Что такое, сынок?

– Тебя Кристина звала, – ответил Кирюша.

– Ты звала? – обратилась мама к другой Кристине.

– Не эта. Другая. Тебя звала вон та Кристина, – сказал Кирюша и указал пальцем прямо на сестру.

Мама уставилась в дверной проем и посмотрела прямо на Кристину. Сердце сделало кульбит – и рухнуло вниз, когда Кристина поняла, что мама смотрит не на нее, а *сквозь* нее.

– Какая другая Кристина, сынок?

– Ну вот же она! – повторил Кирюша, снова показывая пальцем на сестру.

– Ох, – коротко вздохнула мама, обняла сына и ласково повела его в комнату. – Пойдем-ка, мой дорогой. Давай налью тебе ромашкового чая. Ты, наверное, перевозбудился в цирке. Ну еще бы, столько новых впечатлений разом! Врачи говорили, тебе трудно с ними справляться.

Кристина, стоя в дверях, смотрела, как мама уводит брата, и чувствовала, как ее захлестывает обреченность. Это не розыгрыш, мама ее действительно не видит. Только брат. Но мама ему не верит, она решила, что это очередное проявление его *особенности*.

Кристина-самозванка окинула Кристину быстрым взглядом, удовлетворенно кивнула и захлопнула дверь у нее перед носом.

Щелчок автоматического замка прозвучал словно пистолетный выстрел.

Нет, этого просто не может быть. Такие вещи не происходят в реальной жизни!

Пискнул телефон. Еще одно сообщение от Олг в общем чате. «Кристи, ну ты где?»

Телефон! Кристина торопливо открыла список контактов. Выбрала маму и нажала на вызов.

После пары гудков в трубке раздалось «Алло», и сердце дрогнуло от радости. Мама услышала звонок!

– Алло! Мам, это я! – почти выкрикнула Кристина.

– Алло! Алло! Говорите! Вас не слышно.

– Мама, – повторила Кристина, не замечая, что по щекам покатились слезы. – Мамочка, пожалуйста... Пожалуйста, услышь меня!

– Алло! Вас не слышно! Перезвоните!

Кристина невидящим взглядом уставилась на погасший экран телефона.

В голове звенела пустота, бесконечная, как Вселенная. А затем, словно вспышка сверхновой, в ней появилась пугающая мысль: и что теперь делать?

Никогда в жизни Кристина не ощущала такого всепоглощающего страха. Никогда еще не чувствовала себя такой одинокой! И это она, привыкшая быть вечной одиночкой!

Снова пискнул телефон; в общий чат загрузилась новая фотография из кафе.

«Надо туда», – немедленно решила Кристина. Сейчас ей было не до вечеринки, ей просто хотелось, чтобы ее хоть кто-то увидел и услышал. И, возможно, после этого странный морок сам собой рассеется.

До кафе можно было дойти пешком за четверть часа – или проехать две остановки на дребезжащем трамвае за три минуты. Старый трамвай ездил редко, по одному ему ведомому расписанию, но сейчас он появился как по заказу, будто чувствуя, как отчаянно Кристине нужно как можно скорее оказаться в кафе.

Вечерняя темнота за окнами превращала стекла трамвая в зеркала. Кристина с вызовом заглядывала в каждое; впервые с тех пор, как у нее начались галлюцинации, – хотя сейчас Кристина уже больше не была уверена в том, что это галлюцинации, – она *хотела* увидеть вместо себя другую Кристину. Пусть лучше та будет в отражениях, чем у них дома. Но все стекла упорно отражали только саму Кристину – взъерошенную, растрепанную, с безумным взглядом.

Выскочив на нужной остановке, Кристина побежала к кафе. Вот оно, прямо на углу, через дорогу, и сквозь большие стеклянные окна уже видно сидящую внутри компанию. Остановившись у входа, Кристина перевела дыхание и, понадеявшись, что у нее не слишком дикий вид, вошла внутрь.

Никто из официантов не обратил на нее внимания, пока она шла к столику, за которым собрались одноклассники, но Кристина не торопилась отчаиваться; обслуживающий персонал был занят, разнося заказы.

– Может, она как-то узнала? – донесся до нее вопрос Ольги-шатенки.

– Как? – спросила Ольга-блондинка.

– Не знаю. Догадалась?

– Не могла она догадаться! Ты видела ее глаза, когда мы ее пригласили? Да она была готова описаться от счастья! А уж когда про Фила сказали!.. Если бы не ее братец-придурок, она бы сразу с нами пошла.

Кристина замерла, ноги зажали самостоятельной жизнью и отказались идти дальше, потому что Ольги говорили о ней. И поскольку никто из собравшейся компании пока ее не заметил, Кристина встала за кадкой с разлапистой пальмой и продолжила слушать.

– Может, из дома не отпустили? – предположила Ольга-шатенка. – Или что-то случилось...

– Может, и не отпустили. – Ольга-блондинка вздохнула и обернулась к Филу. – Твоя недоработка! Тоже мне, роковой красавчик! Она должна была бежать к тебе сломя голову! Если надо, из окна вылезти! Видимо, ты ее недостаточно очаровал.

Фил пренебрежительно фыркнул.

– Я вам изначально говорил, дурацкая была затея.

– Но вообще обидно. – Ольга-шатенка покрутила в руках пустую чашку. – Мы все так хорошо продумали! Прекрасное бы видео получилось!

– О да, – хохотнула Ольга-блондинка. – Позор на всю жизнь!

– И как минимум десять тысяч просмотров, – с тоскливой мечтательностью в голосе добавила Ольга-шатенка.

Кристине показалось, что ее окатили ледяной водой, а пол закачался под ногами. Дура! Размечталась! Вообразила, что Ольги действительно решили закопать топор войны! Уже представила себе, как будет доучиваться последний год в школе в полном спокойствии, потому что перестанет быть мишенью для насмешек! Наивная идиотка! Конечно же, ни о каком перемирии не шло и речи, а приглашение в кафе не имело ничего общего с якобы внезапно вспыхнувшими дружескими чувствами. Это была ловушка, расчетливая и жестокая, совершенно в духе Ольг. И уже неважно, какую именно гадость они задумали; позорное видео, которое наверняка расплозлось бы по сети, давало огромный простор воображению.

Шок от услышанного оказался настолько сильным, что Кристина даже на время позабыла о произошедшем дома.

– Ну, расходимся? – спросил Фил.

Кристина с отвращением на него взглянула. Почему он согласился участвовать в этой мерзкой затее? Он же ее совсем не знает! Что она ему сделала? Лично ему? Или ему кажется, что это забавно – публично унижить другого человека? Впрочем, сама виновата, навесила созданный своим воображением романтический образ на понравившегося ей парня, не подумав прежде рассмотреть его хорошенько и понять, какой он на самом деле и впору ли ему костюмчик лирического героя.

– Давайте подождем, может, она еще придет, – ответила Ольга-шатенка.

– Давайте. Уж очень не хочется лишаться такого развлечения, – согласилась Ольга-блондинка.

Сердце оглушительно стучало в ушах, а в груди клокотала злость, когда Кристина шла к столу с твердым намерением впервые в жизни в открытую постоять за себя. Она не анализировала, почему из всех бесчисленных дней, когда она молча сносила насмешки, именно сегодня терпение лопнуло. Прямо сейчас это не имело никакого значения. Хватит. Хватит терпеть! Хватит постоянно быть жертвой! Хватит молчать и наивно надеяться, что вот закончит она школу, и больше такого не будет. Будет! Издевающиеся над ней одноклассники сменятся на таких же однокурсников, однокурсники – на самодура-начальника и завистливых коллег, на токсичных псевдодрузей и просто случайных хамов на улицах и в магазинах. И каждый из них будет выплескивать на нее свой негатив – просто потому, что на лбу у нее написано: «Я – жертва, я стерплю». И чем дольше она терпит, тем злее становится травля. Хватит!

– А я уже тут! – громко сказала Кристина, подойдя к столу. – Можете начинать. Что там за позорное видео со мной в главной роли вы собирались снимать?

Никто из сидящих за столом одноклассников не отреагировал: не поднял головы, не оглянулся.

– Ну? – с вызовом повторила Кристина. – Или когда я все знаю, издеваться уже не так забавно?

И снова ее проигнорировали.

– Да хватит притворяться! – вспыхнула Кристина. – Я все слышала!

В порыве злости она попыталась схватить за руку сидящую к ней ближе всех Ольгу-блондинку – и у нее ничего не вышло. Теперь ее рука прошла насквозь, словно это она, Кристина, стала призраком.

Попытка повторить все с Филом закончилась с тем же результатом.

Нет, это не розыгрыш. Одноклассники могли договориться, что сделают вид, будто не видят и не слышат Кристину. Но они никак не могли устроить, чтобы Кристина чисто физически не могла к ним прикоснуться. Нет таких способов!

В панике Кристина бросилась к ближайшей официантке и попыталась схватить за руку ее. А потом – другую. Бесполезно! Ее не видит и не слышит не только мама – ее вообще никто не видит! Ни родные, знакомые, ни даже незнакомые. Только Кирюша – и та, другая Кристина.

Ничего не видя перед собой, Кристина вышла из кафе. «Этого не может быть. Этого просто не может быть», – тупо повторяла она про себя. Споткнувшись о бордюр, чертыхнулась: если она стала бестелесной невидимкой, то не должна чувствовать боль, разве нет? И холода не должна ощущать, и тем не менее порыв ветра пробрал ее насквозь. Как же так? Почему ее не видят и не слышат, она не может дотронуться до людей, но сама не лишилась никаких ощущений и прекрасно может спотыкаться о бордюры?

Ноги сами принесли Кристину к дому. С чувством полной безнадежности она вошла в подъезд – и увидела возле дверей отца. От него разило спиртным, и он слегка покачивался, пытаясь попасть ключом в замок.

– Папа, – ни на что не надеясь, позвала Кристина.

Отец не отреагировал. Кристина попыталась до него дотронуться – и не смогла.

Все, это конец. Случилось нечто странное, невообразимое, невозможное. И это – факт, от которого не отвертеться.

Что произошло? Как? Почему именно с ней? Что теперь делать? Как вернуть все обратно? У кого можно спросить? Вопросы рождались один за другим, толпились и толкались в голове, вызывали новые волны паники.

Кристина вышла на улицу и в полной растерянности остановилась у дверей в подъезд. И что теперь? Не вообще, глобально, а прямо сейчас? Куда ей идти? Где ночевать? В подъезде? На лавочке во дворе?

Не зная, что делать, Кристина просто брела по улице, не разбирая дороги и не глядя по сторонам. Она все шла и шла, а организм начинал ощущать на себе последствия пережитого стресса, и сознание охватывало блаженное отупение. Вот так идти и идти бы дальше, ни о чем не думая, пока не откажут ноги и не отключится голова...

В глаза ударил яркий свет фар, истошно завизжали тормоза. Кристина рефлекторно зажмурилась, прикрыла лицо рукой и уже почти почувствовала, как ее сминает и сметает с дороги железный капот, но... столкновения не последовало.

С чувством досады – жаль, что не сбили, ведь тогда весь этот кошмар закончился бы! – и разочарования – приходится возвращаться в реальность! – Кристина открыла глаза и увидела перед собой автобус, будто сошедший с пленок старинных черно-белых фильмов: каплеобразные передние крылья, сужающийся капот, обтекаемые линии и круглые выступающие фары.

После погружения в блаженное отупение мозг включался неохотно и обрабатывал информацию медленно, но даже так Кристина поняла, что этот странный старинный автобус что-то ей напоминает. Она его уже где-то видела. Причем совсем недавно. Где?

Из кабины выпрыгнул водитель в ярко-синей кепке, подбежал к Кристине, забросал встревоженными вопросами:

– Вы в порядке? Вас не задело? Как вы себя чувствуете?

Заторможенных реакций хватало только на односложные ответы: «да», «нет», «нормально». А потом сквозь сковывающую мозг пелену наконец пробилась одна мысль: «Он со мной разговаривает. Он меня видит!»

* * *

Голова включилась в один момент – словно по ней ударило сильным разрядом. Еще мгновение назад все плавало в мутной серой дымке, а сейчас приобрело предельную яркость и почти болезненно четкую резкость.

Однако первый вопрос, который Кристина смогла сформулировать, оказался до нелепости глупым:

– Вы меня видите?

Водитель отступил на шаг назад, сдвинул кепку на затылок и почесал голову, а затем обернулся к автобусу и крикнул:

– У нее, кажется, шок. Графиня! Не посмотришь?

«Графиня», – автоматически отметила странное прозвище Кристина, а затем огляделась. Где она вообще?

Оказалось, что прогулка в полубессознательном состоянии вывела ее на окраину Верходновска, на пустынную улицу, по одной стороне которой тянулись дряхлые деревянные дома, которым самое место в деревнях в глубинке, а по другой – унылые металлические коробки гаражей. Одиноко горящий фонарь подсветил бок автобуса, под который Кристина едва не

попала, и она увидела, что на нем наклеен какой-то крупный рекламный плакат. А позади автобуса скопилась уже целая вереница машин.

Кристине стало неловко, что из-за нее на улице образовалась пробка, и она торопливо вернулась на обочину. Оттуда вид на линию машин оказался лучше, и хватило всего одного взгляда, чтобы понять – да это же автокараван циркачей! Тот самый, на который Кристина засматривалась всего несколько часов назад... Неужели это было всего несколько часов назад? Кажется, что с тех пор прошла целая жизнь!

Из автобуса тем временем появилась невысокая миниатюрная женщина, молодая – лет двадцати трех – двадцати пяти, с темными волосами до плеч, в джинсах и объемной черной толстовке. Видимо, та самая Графиня. Она подошла к Кристине, внимательно на нее посмотрела и подняла руку. Кристина подумала, что, наверное, это врач и сейчас она попросит следить за движением пальца или станет ощупывать голову и заглядывать в глаза. Вместо этого Графиня сделала какой-то сложный жест ладонью. Кристина невольно отметила, как необычно ярко сверкнуло кольцо на пальце незнакомки, перевела взгляд на ее лицо – и увидела, что свет кольца словно поселился у той в глазах, потому что зрачки засияли темно-серебристым цветом.

Затем Графиня твердо взяла Кристину за подбородок и повернула ей голову сначала в одну сторону, а потом в другую, пристально разглядывая ее лицо. От неожиданности Кристина даже не сопротивлялась, а часть ее по-прежнему ликовала, что наконец-то после всех кошмаров сегодняшнего вечера ее снова видят и слышат другие. Пусть даже и чужие и незнакомые ей люди.

Может, ей вообще все привиделось? И другая Кристина у них дома, и та неприятная сцена в кафе? Вдруг это все тоже галлюцинация? Да, куда более серьезная, чем просто чужое отражение в стекле, а это значит, что у нее реальные проблемы с головой. Но сейчас Кристина была готова с радостью обменять свою невидимость и неспособность прикоснуться к людям на психическое расстройство. В конце концов, расстройство можно вылечить, а вот если тебя действительно не видят и не слышат...

Уверенность в том, что странные события сегодняшнего вечера – всего лишь бред, пусть и пугающе реалистичный, крепи; вот же, перед ней стоят двое, и они Кристину прекрасно видят. От облегчения хотелось прыгать и смеяться. Сейчас она пойдет домой, и все будет нормально. А утром встанет – и запишется на прием в поликлинику. Пропьет курс таблеток или что там ей еще назначат – и все будет в порядке! Никаких других Кристин!

– Похоже, нашего полку прибыло, – сказала Графиня водителю.

– Уверена? – спросил тот.

Графиня многозначительно выгнула бровь.

– Извините, – вмешалась Кристина. – Я задумалась и не заметила, как вышла на дорогу. Еще раз простите за неудобство. Со мной все в порядке, серьезно. Я пойду.

Водитель и Графиня обменялись взглядами, и Кристине не понравилось выражение их лиц.

– Садись, мы тебя подвезем, – предложила женщина.

– Не надо, мне тут совсем недалеко, – отступила на шаг Кристина.

– Садись, – настойчиво повторила Графиня.

Кристина сделала еще пару шагов назад, в голове вихрем мелькнули воспоминания обо всех страшных историях о похищениях людей, которые охотно муссировали на бесчисленных ток-шоу телевидения. Но... это цирк шапито! Не могут же они похищать людей или что-то в этом роде!

И все же инстинкт, о существовании которого Кристина не подозревала еще до совсем недавних пор, до того времени, пока в отражениях не начала появляться другая Кристина, посылал ей целую цепочку тревожных сигналов, которые мурашками бежали по позвоночнику.

– Нет, – категорически отказалась Кристина, подавляя нарастающую панику; не будут же они хватать ее и силой запихивать в автобус? – Я домой.

С этими словами она развернулась, но не успела она сделать и пары шагов, как услышала:

– Она по-прежнему там.

Кристина не хотела останавливаться. Не хотела продолжать разговор. И все же она не смогла промолчать.

– Кто?

– Твой двойник.

Кристина замерла, словно ноги сами разучились ходить. Но не обернулась.

– Откуда вы знаете? – заставила она себя задать вопрос. Голос прозвучал глухо.

– Я знаю, – последовал лаконичный ответ. – Твой двойник все так же там, и тебя по-прежнему никто не будет видеть и слышать.

Очень медленно Кристина обернулась.

– Но вы же меня видите, – проговорила она так жалобно, словно хваталась за последнюю соломинку и умоляла вытянуть ее на безопасный берег.

– Садись, – повторила Графиня, и в ее голосе прозвучало неподдельное сочувствие. – Это долгий разговор.

* * *

Кабина автобуса больше походила на плацкартный вагон: вместо сидений – ярусы коек, вот только пассажиры тут, похоже, не просто ехали из пункта А в пункт Б, а жили, причем постоянно.

Появление Кристины обитатели автобуса встретили настороженным молчанием и оценивающими взглядами. То ли из-за усталости, то ли из-за стресса, но воображение Кристины разыгралось не на шутку, и ей показалось, что зрачки всех циркачей мерцают темно-серебряным светом. На миг почудилось, будто на нее смотрят и не люди вовсе, а какие-то загадочные существа, принявшие человеческое обличье. Ощущение было настолько сильным, что Кристина невольно попятилась.

– Проходи, проходи, – мягко подтолкнула ее под спину Графиня.

Она подвела Кристину к одной из коек, быстро скатала матрас, подняла центральную часть полки, и вот уже та превратилась в маленький столик и два сиденья – прямо как боковые места в плацкартном вагоне.

– Садись.

Кристина послушно села.

Кто-то свесился с верхней полки вниз и спросил:

– Кто?

– Новенькая.

Голос стал откровенно враждебным.

– Это что, из-за нее Сол?..

– Потом, – оборвала Графиня.

– Но Сол! – не унимался голос. – Он же был самый сильный!

– Хватит! – не терпящим возражений тоном отрезала Графиня.

Автобус мягко качнулся – и поехал. Кристина с тревогой посмотрела на удаляющиеся огни родного города.

– Мы уезжаем?

– Да.

– А куда?

– Какая тебе разница? Ты же наверняка давно хотела уехать отсюда, разве не так?

Сбитая с толку, Кристина промолчала. Она просто не знала, что на это ответить. Да, она действительно долго и страстно мечтала убраться отсюда. И вот ненавистный Верходновск остается позади, а ей уже страшно и хочется вернуться обратно! Домой, к маме...

«Зато как мечтала поскорее начать самостоятельную взрослую жизнь!» – не упустил возможности больно уколоть внутренний голос. Кристина поморщилась. И все же, справедливости ради, в мечтах свой отъезд она представляла совсем не так. А еще точнее, она представляла не столько свой отъезд, сколько триумфальное возвращение потом, в будущем, когда она уже добьется чего-то значимого в большом городе с настоящей жизнью, а сюда придет с коротким визитом. И испытает глубокое удовлетворение при виде мест, которые ненавидела всю свою жизнь, – ведь она сумела-таки вырваться!

– Откуда вы знаете, что я хотела уехать? – наконец спросила Кристина.

– Догадалась, – коротко ответила Графиня.

– Я просто не совсем так себе это представляла. Я даже ни с кем не попрощалась...

– А тебе разве есть с кем попрощаться? – спросила Графиня, и ее взгляд стал неожиданно пронзительным. – Точнее так: тебе разве хочется с кем-то попрощаться? Тебя же наверняка раздражают все, кто тебя окружает.

– Опять догадались – или у вас на меня досье собрано? – мрачно спросила Кристина.

– А ты всегда такая колючая?

– Всегда, когда нужно защищаться.

– Здесь тебе защищаться не надо, – заверила Графиня, достала из-под столика термос и две эмалированные кружки, налила в них какого-то горячего, ароматного, пахнущего осенью и специями напитка и протянула одну Кристине.

– Что это?

– Яблочный сидр.

Графиня сделала глоток из своей кружки и блаженно вздохнула.

Кристина последовала ее примеру – и едва не зажмурилась от неожиданного удовольствия: напиток оказался не похожим ни на один другой, который она пробовала прежде, и очень, очень вкусным.

– Вы сказали, что будет долгий разговор, – напомнила Кристина – и вдруг зевнула. – Может, уже начнем?

– Завтра.

– Почему не сегодня?

– Потому что сегодня ты еще только гостя. То, что я собираюсь рассказать, не предназначено для гостей, девочка.

– Меня зовут Кристина...

– Это мы еще посмотрим, – загадочно отозвалась Графиня.

– Что посмотрим? – спросила Кристина – и опять зевнула. Глаза слипались.

– Ничего. Тебе надо поспать, – напомнила Графиня и провела рукой перед своим лицом. Ярко сверкнуло серебряное кольцо на пальце, вспышка света почему-то застыла, словно в стоп-кадре, и Кристина не могла перестать смотреть на нее.

– Не хочу, – еле ворочая языком, ответила она – и вдруг поняла, что тело словно стало чугунным, она не может пошевелить и пальцем, а глаза сами собой закрываются.

«Сидр! Наверное, она в него туда что-то подмешала... Или гипноз... Это кольцо... Меня что, реально похитили?»

А затем пришла темнота.

Глава 6

Над чанами с кипящим маслом гудела мощная вытяжка; со стороны касс над ней висело большое электронное меню, а между ними оставалась щель, сквозь которую можно было заглянуть в обеденный зал. Но обычно тому, кто жарил картошку в час пик, было не до рассматривания посетителей; тут только и успевай, что готовить новую порцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.